

6 / 74

ЛОВЕЧНИК

© «Ровесник», 1974 г.

На первой и четвертой страницах обложки: ребята из деревни в освобожденном районе Южного Вьетнама — провинции Куангчи. «Когда я решил сделать этот снимок, — рассказывает японский фотокорреспондент Б. Исикава, — крестьяне застеснялись, что их дети плоховато одеты. Но ведь здесь столько лет шла война. Да и что одежда... Вы полюбуитесь на их чудесные, радостные лица!»

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

2. Сэм Рассел. ИЗ РАБОЧИХ, ОТ РАБОЧИХ, ДЛЯ РАБОЧИХ
6. ОТКРЫТОЕ МОРЕ НЕРУДЫ. СТИХИ
8. Ю. Лексин. УЖИН В ДОМЕ ИСПАНЦА
11. Морис Кейн. APARTHEID — ИЗ ПЕРВЫХ УСТ
14. Сандро Оттоленги. РАБЫ ДЛЯ ЕВРОПЫ
16. Рон Лейтнер. КУ-КЛУКС-КЛАН — НОВАЯ ВОЛНА
19. Анатолий Макаров. КАК ПРОЖИТЬ БЕЗ РАФАЭЛЯ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Аркадий Петров. КАРЕЛ ГОТТ: «МЕНЯ ОТКРЫЛА МОСКВА»
24. М. Фрид. КОМЕТА «КРИДЕНС»

Июнь, 1974 год

№6

КАТОВИЦЫ. Число «молодежных» квартир в Катовицком воеводстве возросло до двух тысяч. Это почти одна треть от общего количества квартир, построенных в рамках молодежного шефства над кооперативным жилищным строительством в Польше. Суть этого шефства состоит в том, что члены социалистических союзов молодежи, вступившие в кооператив, на основе договора со строительными организациями обязались в свободное время отработать определенное количество часов. В результате погашается часть денежного взноса за квартиру.

БОНН. Прогрессивная молодежь ФРГ требует отменить так называемый «закон о радикалах», или, как его еще называют, «запрет на профессии». Речь идет о постановлении, принятом два года назад премьер-министрами земель ФРГ, которое запрещает предоставлять «радикалам» должности в государственных учреждениях и учебных заведениях. На основании этого документа местные власти, особенно в землях, где правит партия ХДС/ХСС, увольняют с работы коммунистов — преподавателей, инженеров, служащих.

На снимке: Бонн, площадь Мюнстерплац. Молодежная демонстрация протеста против «закона о радикалах».

АСУНСЬОН. Парагвайская полиция и войска совершили налет на столичный университет и на деревни во внутренних районах страны. Были арестованы многие молодежные активисты и вожаки крестьянских организаций — аграрных лиг; разыскиваются руководители Независимого студенческого движения. Шеф политической полиции Парагвая заявил, что власти якобы раскрыли «заговор студентов и крестьян с целью поднять восстание против правительства». Студенческие федерации, аграрные лиги, Ассоциация парагвайских матерей и другие организации страны осуждают новую волну репрессий против студентов и крестьян, развязанную диктатурой генерала Стресснера. Характерно, что версия о «заговоре» появляется всякий раз, когда экономическое положение народа становится невыносимым и он начинает открыто выражать свое недовольство.

АНТАНАНАРИВУ. Двадцатидвухлетняя пианистка из Малагасийской Республики Мирей Ракутумалала — первая исполнительница среди музыкантов развивающихся стран, завоевавшая на конкурсе в Париже большую премию Высшей национальной консерватории. Жюри отметило великолепную технику, высокую музыкальность и тонкое понимание исполняемых произведений. В ее репертуаре Бетховен, Шопен, Лист, Брамс.

На снимке: Мирей Ракутумалала у себя дома.

В этом номере:

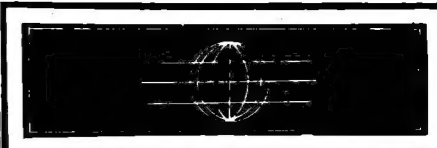
- твердое слово английских шахтеров;
- голос живого Неруды;
- интервью с расистами и жертвами расизма.

БЕРЛИН. 1500 юношей и девушек, осваивающих рабочие специальности на заводах и фабриках ГДР, пройдут вместе со своими педагогами в год 25-летнего юбилея республики производственную практику на предприятиях стран — членов СЭВ. Особенно интенсивно эта форма сотрудничества развивается между Советским Союзом и ГДР.

Молодежь проходит практику, как правило, на тех заводах, с которыми их предприятие сотрудничает в рамках социалистической экономической интеграции.

ОКЛЕНД. В этом американском городе (штат Калифорния) две молодые учительницы организовали «школу освобождения». «Детям мало того, что дает наша школа, — заявили они. — Мы бывали в социалистических странах и видели детские организации, успешно решающие проблемы досуга, творчества, развития талантов. Нечто подобное пытаемся сделать и мы. Мы хотим, чтобы наши дети собирались вместе, обсуждали проблемы, которые их действительно волнуют. Например: богатые и бедные, жизнь негров, индейцев, азиатов и латиноамериканцев в США и т. д. У нас есть уже свой театр, различные кружки. Мы в большой дружбе с сельскохозяйственными рабочими. Ребята называют себя пионерами».

На снимке: «Лос пионерс» из Окленда.

ПРАГА. Более 2,5 тысячи чехословацких юношей и девушек — почти вдвое больше, чем в прошлом году, — примут нынешним летом участие в международных студенческих бригадах, которые будут работать на стройках стран социалистического содружества. Более тысячи чехословацких студентов проведут свой трудовой семестр в Советском Союзе, 600 — в ГДР, 350 — в Польше, 500 — в Венгрии и Болгарии. В свою очередь, в Чехословакию для работы в международных студенческих бригадах придут юноши и девушки из социалистических стран. Каждая бригада будет работать на нескольких стройках, что позволит иностранным студентам лучше познакомиться со страной.

БОГОТА. Министерство здравоохранения опубликовало следующие тревожные данные: 100 тысяч учащихся средних и высших учебных заведений Колумбии в возрасте от 13 до 20 лет употребляют наркотики. Это пятая часть всей учащейся молодежи средних школ и университетов страны.

МБАБАНЕ. Нищета, безработица, неграмотность — таков удел молодежи Свазиленда, небольшого южноафриканского государства, экономика которого пока прочно привязана к расистской ЮАР. Основная «отрасль промышленности» — и это при населении всего лишь в 400 тысяч человек — поставка дешевой рабочей силы в Южно-Африканскую Республику, где молодежь свази работает в основном на рудниках, подвергаясь жестокой эксплуатации. В Свазиленде из-за нехватки учителей и школ один из самых низких в Африке уровень грамотности.

На снимке: школьники Свазиленда вместо тетрадей пользуются грифельными досками.

ДЕЛИ. Одной из первоочередных задач индийской молодежи, утвержденных 19-й национальной конференцией Всеиндийской Федерации молодежи и Всеиндийской федерацией студентов, является борьба «за эмансипацию женщин, против мракобесия, религиозных предрассудков и т. д.». В принятой на конференции программе говорится о проведении «пропагандистских мероприятий против всех форм социального угнетения, наносящих удар по социально и экономически слабым группировкам в обществе, в том числе женщинам». Девушки Индии, особенно в отдаленных провинциях, ведут активную борьбу за осуществление своих прав на образование, общественную деятельность, занятия спортом.

На снимке: Девушки из спортивного клуба Бомбея.

**ИЗ РАБОЧИХ,
ОТ РАБОЧИХ,
ДЛЯ РАБОЧИХ**

НА НЫНЕШНЕМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ С ЕЩЕ БОЛЬШЕЙ ОЧЕВИДНОСТЬЮ ОБНАЖИЛАСЬ ДУХОВНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ВСЕ СИЛЬНЕЕ ДАЮТ СЕБЯ ЗНАТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА.

Из речи товарища Л. И. Брежнева на XVII съезде ВЛКСМ

Почему они бастовали? Почему сошлись в опасном, потребовавшем мужества и жертв поединке с упрямым, коварным и безжалостным врагом — монополиями, политическими реакционерами, злобствующими буржуа? Потому что иначе они не могли.

Кто они? Четверть миллиона английских шахтеров, об условиях жизни и труда которых говорят такие факты.

«С 1947 года (время национализации угольной промышленности) от несчастных случаев погибло 7768 шахтеров. За последние 20 лет от «черных легких», профессионального шахтерского заболевания, умерло 17 тысяч человек (в среднем больше двух в день). У тысяч подземных рабочих искалечены руки и переломаны суставы, 38 тысяч получают пособие по инвалидности из-за болезни легких» («Тайм», Нью-Йорк).

«В списке профессий по уровню оплаты труда шахтеры, представители одной из самых тяжелых, опасных и вредных для здоровья специальностей, занимают 49-е место» («Гардиан», Манчестер).

«Я обошла десятки тесных шахтерских домиков, прижавшихся друг к другу. И всюду женщины говорили: «Моего Дея (Алана, Джонни) политика никогда прежде не занимала. Все, чего ему хотелось, — это спокойно работать в шахте да промочить горло в воскресенье вечером. И если он сейчас развоевался, то виноват в этом сам Хит. На попятный ходу уже нет». Я спросила, как долго шахтеры думают бастовать. «Столько, сколько понадобится, чтобы добиться своего», — ответили мне» («Обсервер», Лондон).

«Я вам скажу, почему они проголосуют за забастовку, — сказала вашему корреспонденту Мэгги Джонсон, жена шахтера из Наттингема. — Им все уши прожужжали насчет механизации в шахтах. А на деле тот же смрад, та же угольная пыль, та же сырость. Что делали шахтеры? Запихивали свою гордость поглубже в карман. А там дыра с кулак. Вот они и вынули свою гордость из кармана. Они будут бастовать. Им надо, чтобы профсоюз выжил» («Тайм», Нью-Йорк).

И они проголосовали за забастовку. Шахтеры победили, они, как известно, добились удовлетворения своих требований, а прямым результатом этой классовой схватки стало падение реакционного правительства консерваторов.

На самых жарких участках этой борьбы были коммунисты. Об одном из них — лидере шотландских горняков Майкле Макгэхи — рассказывает читателям «Ровесника» английский журналист. Это о таких людях говорил с трибуны международного Совещания коммунистических и рабочих партий, проходившего ровно пять лет назад, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «Советские коммунисты... хорошо понимают, какое постоянное напряжение, решительность и гибкость, твердость духа, готовность в любой момент пожертвовать всем для дела партии требуются от революционных борцов, действующих лицом к лицу с классовым врагом».

Сэм РАССЕЛ, корреспондент английской газеты «Морнинг стар», — для «Ровесника»

Англия минувшей зимой пережила важное политическое событие — всеобщие выборы. Их главный результат — поражение консерваторов и приход к власти лейбористов.

Драматичны были события, предшествовавшие этим выборам. Консерваторы и их сторонники из мира большого бизнеса в ходе предвыборной кампании не стеснялись себя обычными рамками парламентской пристойности — правящий класс открыто изливал свою ненависть к трудящимся. Главной целью их атак стали профсоюзы, требовавшие увеличения заработной платы, поскольку непрерывно росла стоимость жизни. Среди же профсоюзов врагом № 1 был объявлен профсоюз горняков, ответивший забастовкой на отказ правительства удовлетворить требования шахтеров о повышении заработной платы. Против шахтеров, второй век идущих в авангарде рабочего движения Англии, была поднята на ноги и вся буржуазная пресса. Мишенью ее самых мстительных выпадов, клеветы и угроз, напомнивших о худших днях маккартизма в США, стал один из руководителей шахтеров.

Этого человека зовут Мик Макгэхи. Он возглавляет шотландскую региональную организацию профсоюза горняков и одновременно является заместителем председателя национального профсоюза горняков. Мик Макгэхи — коммунист. Коммунист с юношеских лет. Сначала был английский комсомол, затем компартия...

«Красные под кроватью!» — страдала простых англичан правая пресса. Под этим следовало понимать, что в профсоюзах существует некий «коммунистический заговор», имеющий своей целью захват власти. Мик Макгэхи удостоился в этой связи быть главным «красным». Чтобы оценить масштабность, яростность этой кампании, стоит сказать о том, что в нее включился сам премьер-министр консервативного правительства. Эдвард Хит лично «громил» шахтерского лидера, выступая по телевидению.

Но товарищи Мика Макгэхи, шотландские шахтеры, знали и знают, что это за человек. Сын шахтера, вступившего в Коммунистическую партию Англии в год ее основания, в 1920 году, Мик Макгэхи пошел работать на шахту в 14 лет, тогда же он стал членом Коммунистической лиги молодежи. Было все это сначала в шахтерской деревне Шоттс на севере графства Ланкашир, а потом в шахтерском поселке Камбусланг, пригороде Глазго.

В ту пору, в 30-е годы, горняцкие поселки и деревни душила нищета. Потому-то молодого Мика можно было видеть с пачками «Дейли уоркер», газеты английских коммунистов, писавшей правду о причинах кризиса. Он распространял ее в шахтах, в пабах Камбусланга и соседних деревень, где рабочие собирались за кружкой пива. Было ли это легко и просто? Однажды, когда Мик вошел с охапкой газет в один из таких пабов в Беллшилле, какой-то негодяй швырнул ему в лицо кружку. «Грязный коммунист!» — крикнул он ему. С тех пор у коммуниста Макгэхи шрам на губе.

Мика Макгэхи не так-то просто сбить с избранного пути. К началу пятидесятых он уже признанный вожак шахтерской молодежи. В 1950-м, будучи секретарем молодежного комитета шотландских шахтеров, он впервые принимал в Камбусланге представителя советской молодежи, одного из руководителей ленинградского комсомола. Для тех лет событие из ряда вон. И посмотрите, как оно раскрыло характер, стиль работы Мика Макгэхи, теплоту и непринужденность его отношений с молодыми шахтерами Шотландии. На беседу с советским гостем он вытащил прямо из шахты дюжину парней. Они ввалились в шахтерский дом, где ждал ленинградец, чумазы, в робах, шлемах, сапогах. Убежденные католики, эти шотландские парни имели самое дикое представление о жизни в Советском Союзе. Ведь то было время «холодной войны», безудержной клеветы на СССР. Неудивительно, что молодые шахтеры, увидев перед собой ровесника из-за «железного занавеса», буквально засыпали его вопросами. Вопросы были наивны, но результаты встречи глубоки и значительны. У ребят открылись глаза.

Много воды утекло с того дня. Имя Мика Макгэхи сейчас известно даже шахтерам за границей, особенно в странах социализма. Он много делает для укрепления дружбы между шахтерами разных стран, для пролетарского интернационализма, который всегда был характерен для английского профсоюзного движения.

Но главная забота Мика Макгэхи, конечно же, родная Шотландия. И рабочая Шотландия платит ему уважением, доверяет: в 1961 году 36-летний Мик Макгэхи избирается в шотландский исполком профсоюза шахтеров, в 1967 году, когда скончался председатель шотландского отделения этого профсоюза, коммунист Алекс Моффат, на этот ответственный пост был избран тоже коммунист — Мик Макгэхи.

Утром того дня, когда хоронили Алекса Моффата, новый председатель профсоюза был срочно вызван на шахту «Майкл». Стряслась беда: под землей погибли девять шахтеров. Такие катастрофы на шахтах Англии вещь обычная. Тогда рабочие единогласно постановили, что их представителем в комиссии по расследованию причин катастрофы должен быть Мик Макгэхи.

Почему? Потому что Мик досконально знает шахтерскую профессию. Потому что настойчив и принципиален. Дело ведь не только в общих позициях, дело в деле, в знании его тонкостей. Комиссия выявила конкретных виновников нарушения правил безопасности, чья халатность стоила жизни девяти рабочим. Власть были вынуждены признать, что они не приняли всех мер по спасению людей, что к тому времени, когда пожарные приступили к делу, огонь бушевал под землей два часа. Факты, разоблачившие халатность администрации шахты «Майкл», заставили власти согласиться со всеми требованиями профсоюза по улучшению техники безопасности.

В то же самое время этот пример, как и многие другие, убедил рабочих в том, что Мик Макгэхи — это тот человек, который умеет постоять за их интересы, умеет добиться соблюдения жизненно важных для шахтеров требований. Он тот человек, который готов схватиться, если надо, не только с администрацией, но и с самим правительством, если оно не предоставит шахтерам такой зарплаты и условий труда, на которые они имеют право.

Англия, как и многие другие капиталистические страны, переживает сейчас так называемый энергетический кризис. Ее экономика, испытывающая нехватку топлива, в руках у нефтяных монополий. Таков оказался результат перевода многих предприятий топливно-энергетической промышленности с угля на нефть. Еще десять лет назад Мик Макгэхи предупреждал об опасных по-

следствиях отказа от угля. Ведь Англия — остров, который, как принято говорить, сидит на угле. Но шахты одну за другой закрывали, а тысячам шахтеров, выброшенным на улицу, твердили одно: «Что делать? Шахты не экономичны...» «Сокращать добычу угля — безумие», — писал тогда Макгэхи в «Дейли уоркер». Сейчас-то все так считают. Да, говорят, это было несомненно ошибкой. Мало того, делаются попытки открыть новые шахты...

Попробуем разобраться: на чем строила свою кампанию клеветы реакционная пресса? Один из ее любимых тезисов звучит так: коммунисты, в том числе и Макгэхи, «просочились» в профсоюзное движение, они пробрались в него тайком, обманывая рабочих, таясь от них и скрывая свою истинную цель — сделать Англию социалистической страной. В ответ на эту ложь можно было бы привести хотя бы биографию Мика Макгэхи. Но, пожалуй, лучше всего своим врагам ответил он сам: «Коммунисты не просачиваются в шахтерскую среду, они рождаются прямо в ней».

Мик Макгэхи не первый коммунист, снискавший доверие шахтеров и избранный ими на высокий профсоюзный пост. Многие годы генеральным секретарем их профсоюза был Артур Хорнер, его сменил другой коммунист, Уилл Пейнтер. Шахтеры по опыту знают, что на коммунистов можно положиться, что в борьбе за интересы рабочих эти люди не отступают и тем более не сдаются перед натиском сил реакции.

Именно эта шахтерская твердость, сплоченность, именно это мужество людей, уверенных в своей правоте, заставили премьер-министра Эдварда Хита отступить и назначить внеочередные выборы. Победа далась нелегко и не сразу — в течение нескольких недель руководителей шахтеров, включая Мика Макгэхи, неоднократно вызывали на беседы с премьер-министром, пытались заставить их отказаться от требований о повышении заработной платы.

Несაძოღო დო თოგო, კაკ გორიკი წადვინულო სუო პროგრამუ, ვ

Шотландии произошла еще одна трагедия. Из-за катастрофы на крупнейшей шахте «Сифилд», расположенной всего в нескольких километрах от злосчастной шахты «Майкл», погибло пятеро рабочих. Положение сложилось серьезное: откладывать разрешение самых важных, кровных проблем, от которых зависели жизнь и благополучие сотен тысяч людей, добывающих для страны тепло, свет, энергию, было теперь нельзя. Требовалась цельная, обоснованная программа действий. Ее и разработали шотландские шахтеры, их профсоюз. Началась забастовка, а вместе с ней, точнее в ответ на нее, началась и кампания травли шахтеров и их руководителей.

Буржуазная печать обвиняла Мика Макгэхи в попытке «свергнуть избранное правительство без помощи выборов». Разумеется, это стопроцентная ложь. В те дни Мика Макгэхи спросили, что он будет делать, если правительство попытается положить конец стачке с помощью войск. «Если сюда придут солдаты, — ответил Мик Макгэхи, — я буду с ними говорить. Среди них много рабочих парней, в том числе шахтерских сыновей. Мы расскажем им правду о конфликте». Показателен ответ самих шахтеров на беспрецедентные выпады большого бизнеса против Макгэхи: они избрали Мика Макгэхи на пост заместителя председателя всеанглийского профсоюза шахтеров.

После телевизионного выступления премьер-министра и твердого ответа Макгэхи со всех концов Англии в адрес лидера шотландских горняков посыпались выражения солидарности от рабочих самых разных отраслей промышленности — от тех, кто знал, что Мик Макгэхи, по выражению одного рабочего, «человек, чье мужество и верность рабочему классу вне всякого сомнения».

Когда консерваторы и их лидер Эдвард Хит потерпели поражение на выборах, генеральный секретарь профсоюза шахтеров Лоуренс Дейли с полным основанием заявил, что Хита победили шах-

теры. А вот оценка Мика Макгэхи: «Выборы продемонстрировали, что Хит не получил от народа поддержки и что шахтеры были правы, стоя на своем. Мы будем продолжать борьбу за наши справедливые требования. Кампания «Красные под кроватью» оказалась бумерангом, который ударил по самому Хиту».

Мик Макгэхи — один из руководителей Компартии Великобритании, член ее Исполкома и Политического комитета — выстоял перед нападками реакции. «Я смолоду понял, — говорил он, — что, если люди истощены (то есть правящие круги. — Ред.) решают уничтожить кого-то, они не остановятся ни перед чем. С началом забастовки в мою личную жизнь стали постоянно вмешиваться, жену и детей запугивают какие-то люди. Мне пришлось забрать из школы в Эдинбурге мою 13-летнюю дочь, так как на нашу семью то и дело сыпались анонимные угрозы по почте и по телефону. На меня эти угрозы не производят впечатления. Ничего другого от консерваторов я и не ждал. Но когда угрожают, терроризируют жену и детей, это уже другое дело. Я коммунист и готов постоять за себя. Но кампания против меня показала, что консерваторы опустились до маккартистских методов политической травли».

Наскоки реакции не только не поколебали Мика Макгэхи, но еще больше укрепили его репутацию преданного сына английского рабочего класса. Многие годы английский рабочий класс и демократическое движение ведут борьбу под лозунгом: «За правительство из народа, от народа, для народа». Перефразируя эту известную формулу, можно сказать, что Мик Макгэхи — из рабочих, выдвинут в руководители профсоюза от рабочих и делает все, что в его силах, для рабочих.

Перевел с английского Б. СЕНЬКИН

Лондон, апрель.

Первое море

Открыть моря! Быстрый Каутин
выкатывался из Карáуз к устью,
когда мои мечты и жизнь мою
похитили колеса пароходов,
шум лопастей, — а я глазами хлопал.
Худой мальш, похожий на птенца,
застенчивый школяр, немой, как рыба, —
я на носу застыл,
едали от всех,
дрожал от радости,
а пассажиры,
заполнившие утлый пароходик,
не замечали мальша,
играли
на оглушительных аккордеонах
и тут же пели, ели, —
завсегдатаи
воды и лета,
а в сторонке — я,
отсутствующий, на носу, один,
ни разума, ни радости,
ни песен, —
мальш, замороженный буйством волн,
которые среди прибрежных гор
лишь для меня кроили пустоту,
лишь для меня тороили чистый путь,
лишь для меня творили мирозданье.
До этого меня пьянили реки,
лесистые — душистые — откосы,
внезапность скал, сгоревшие деревья,
вся целостность пустынного пространства.
Сын этих рек,
довольствовался я
тем, что бежал вприпрыжку
по откосу
к одной и той же пене,
но теперь,
когда все море на меня впервые
обрушивалось раненою башней,
дыбилося и косматилось от злости, —
я оторвался от земных корней,
и стало больше у меня отчизны,
разрушилась древесная держава,
тюрьма лесов со скрипом отворила
зеленые ворота, и сквозь них
вошла ревущая волна,
так с первым
ударом океана жизнь моя
распространилась в мировом просторе.

ОТКРЫТОЕ МОРЕ НЕРУДЫ

Прибытие в Мадрид интернациональной бригады

Однажды утром в студеный месяц,
в предсмертный месяц,
запятнанный грязью и копотью,
в несибаемый месяц,
в печальный месяц осады и неудач,
когда за мокрыми стеклами моего дома
выли марокканские шакалы,
чья ружья и зубы сочились кровью¹, —
в ту пору,
когда нашу надежду затмили
пороховые кошмары, когда мы считали,
что в мире существуют лишь
плотоядные чудища и фурии, —
в эту пору, прорвав иней
студеного мадридского месяца,
в тумане зари,
я увидел своими глазами,
глазами своего сердца, —
я увидел, как возникают ясные
уверенные бойцы
этой худой и суровой, зрелой
и пламенной бригады.
Это была скорбная пара, когда разлука
негаснувшим углем жгла женщин,
когда испанская смерть, более едкая
и колючая, чем любая смерть,
затопила поля, которые до этого
венчала пшеница.
На мостовых выплеснутая из человека кровь
смешивалась
с водой, вытекавшей из разрушенного
сердца домов,
кости растерзанных детей, душераздирающее
траурное молчание матерей, навечно
погасшие глаза беззащитных существ
были болью и потерей, были
заплеванным садом,
навечно затупленной верой, убитым цветком.
Товарищи,
тогда-то
я вас и увидел,
мои глаза до сих пор светятся гордостью,
потому что в то туманное утро я увидел,
как вы появились
на чистом лице Кастилии,
непреклонные и молчаливые,

Книга «Испания в сердце», в которую
входит это стихотворение, написана в Испа-
нии, где Пабло Неруда с 1935 по 1937 год
был чилийским консулом.

¹ Отряды марокканских наемников, отли-
чавшиеся особой жестокостью, участвовали
в гражданской войне на стороне франкист-
ских мятежников.

12 июля чилийскому поэту-коммунисту
Пабло Неруде исполнилось бы 70 лет... Но
все мы знаем — он не дождался юбилея, и
знаем, что произошло в черные сентябрь-
ские дни 1973 года в Чили. В наших серд-
цах эта утрата отозвалась особой болью —
ведь Неруда был большим другом Совет-
ского Союза и написал много стихов о на-
шей стране. Печатались они и у нас в
журнале. Мы хотим почтить память Пабло
Неруды публикацией новых переводов из
его поэзии, подготовленных Павлом Груш-
ко. Море поэзии Неруды необозримо. Им
создано огромное количество произведений.
И еще долго будут люди открывать для се-
бя этот удивительный мир.

На снимке — Пабло Неруда, фото начала
30-х годов. Рисунки чилийского художника
Хосе Вентурелли.

словно колокола перед зарей,
торжественные, голубоглазые, вы пришли
из дальних далей,
пришли из ваших закоулков, из ваших
затерянных стран, из ваших грез,
перепачканные испеленной нежностью,
сжимая винтовки,
вы пришли защищать испанский город,
где осажденная свобода
могла пасть, умереть, истерзанная
хищниками.

Братья, пусть с этого дня
ваша чистота, ваша сила,
история вашей славы
станет известной мальчику и мужчине,
женщине и старику,
достигнет всех, кто изверился, спустится
в шахты, изъеденные серным воздухом,
взбежит по бесчеловечным ступеням рабства,
чтобы все звезды, все колосья Кастилии
и мира
начертали ваше имя, вашу жестокую битву,
вашу победу, кряжистую, земную,
как красный дуб.

Потому что вашим самопожертвованием
вы сумели возродить
умершую честь, угасшую душу,
доверие к земле —
ваша щедрость, благородство, ваши мертвые,
словно суровые окровавленные скалы,
образовали ущелье,
по которому льется мощный поток, а над ним
выются голубы надежды и стали.

Возможно, с той поры я стал другим

В тот год на родину я возвратился
с войны, которая мне подарила
еще одни глаза, упрятав их
внутри моих, —
глаза
в ожогах, в бельмах
от собственных и от чужих страданий, —
но этими глазами стал я видеть
сквозь землю, сквозь туманные догадки.

Стихотворение-воспоминание посвящено
первым впечатлениям поэта по возвращении
на родину после длительного пребывания на
чужбине во время второй мировой войны.

И Правда, прятаяшаяся за тучи,
 вдруг засияла яркою звездой
 и стала колоколом — я услышал,
 как Правда позвала меня к себе
 и как другие к ней на зов спешили.
 И вдруг американские знамена,
 серебряные, синие, золотые,
 украшенные звездами и солнцем,
 открыли мне наши земли,
 всю бедноту с проселков и полей,
 индейцев мертвых, пахарей забытых,
 которые глядели как слепые,
 а чуть позднее — адский кратер шахт,
 где истощались уголь, медь и люди, —
 так я увидел в нищих наших землях
 всю безысходность и несправедливость,
 увидел, как скакал надменный всадник,
 весь в орденах,
 в крови безвинных жертв,
 увидел тех, что заседают в Клубе,
 с утра до поздней ночи
 мелют речи,
 покачиваясь на волнах удачи,
 а в это время темный, бедный ангел —
 оборванный простолоудин — тащился
 босой по каменистым тропам жизни,
 и было у него еды так мало,
 что неизвестно, как он выжить мог...

В конце концов они ушли

Все в двери мои ломались,
 унося меня по частям,
 это был незнакомый народ,
 издавна мне знакомый,
 недружественные друзья,
 я был им неинтересен.
 Как быть, чтоб их не обидеть?
 Я наполнил яствами блюда,
 открыл стихи и бутылки,
 и они усердно жевали
 в распахнутой настезь столовой.
 Они деловито обшарили
 углы, изучали вещи,
 я заставлял их спать
 на моих фолиантах,
 они помыкали кухаркой
 и лезли в мои дела.
 Когда же меня обожгло
 таинственным жаром любви,
 и я, любя и томясь,
 словно уснул и не спал, —
 их караван распался,
 стинул с верблюдами вместе.
 Теперь они стали злословить.
 Живописные эти чистюли,
 встречаясь, рыдали в голос,
 усердно ломали головы —
 как лучше меня уничтожить?
 Кинжал предложила дама,

храбрец предпочел мортиру,
 но с полуночным рвением
 они на сплетне сошлись.
 И стали рьяно трудиться
 глазами, ртом и руками.
 Кто я? Кто она? Когда?
 По какому праву и как?
 Они целомудренно рылись
 в грязном белье догадок —
 решили меня спасти
 от алчущего вампира.
 Они заметно осунулись:
 я их выбросил из головы —
 им осталось питаться вздохами.
 Время шло, — она не ушла.
 Как всегда в подобных делах,
 любовь убивает врагов.
 Сейчас мне трудно их вспомнить, —
 стоило им исчезнуть,
 как память моя их стерла,
 это были тесные туфли,
 в конце концов их снимают.
 Сегодня, в сумерках нежных,
 я медом любви наслаждаюсь.
 А их поглотила ночь,
 друзей моих недружелюбных,
 моих незнакомых знакомцев.
 Им не вернуться в мой дом.

Из «Осеннего завещания»

В СВОЕМ ЗАВЕЩАНИИ
 ПОЭТ ПОЛАГАЕТ...

Я ненависти оставляю
 мои подковы коня,
 парус моей рубахи,
 бродячий мой башмак,
 плотничье мое сердце —
 все, что умел я делать,
 что помогало страдать,
 все, что было во мне
 от чистоты и упрямства,
 цельности и скитаний.
 Пора бы понять, что люди —
 хозяева рек и лесов —
 могут рубить и плыть,
 могут уйти и прийти,
 могут страдать и любить,
 могут дрожать и работать,
 могут быть и продлиться,
 могут увести и отвести,
 могут быть светом и милой,
 могут лишиться слуха,
 могут выстоять в горе,
 могут дожидаться цветка, —
 в общем и целом, мы можем
 быть на этой земле,
 хоть этого и не хотят
 иные сукины дети.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ

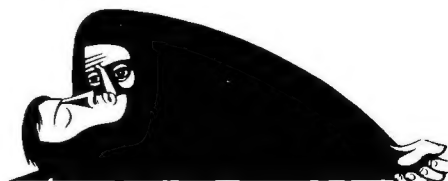
Здесь, после стольких прощаний,
 я с вами прощаюсь, сеньоры.
 И так как я ничего
 вам не оставил, прошу вас —
 возьмите что-нибудь сами.
 Моя жестокость, и желчь,
 и ярость моя легли
 в землю, чтобы воскреснуть,
 а лепестки добра
 упали, как звон колокольный,
 в зеленую глотку ветра.
 Но я с лихвой возвращал
 нежность друзей и чужих.
 Доброта меня привлекала
 всюду, где я бывал,
 я всюду ее находил
 тысячекратным сердцем.

Сколько целебных гранич
 лечили мое изгнание!
 Делили со мной еду,
 опасность, приют и вино!
 Мне мир распахнул свои
 аллеи, я в него
 прошел сквозь шеренги любви.
 Юз мне припас друзей
 столько же, сколько Север,
 а на Востоке их столько,
 что яблоку негде упасть.
 А сколько на Западе их!
 Не перечислить зерен.
 Не подсчитать, не назвать
 всех дружественных созвездий.
 В Америке, сотрясенной
 ночными обвалами злобы,
 я каждой луне знаком,
 с каждой дорогой на «ты».
 В глинобитных селеньях,
 в городах железобетонных,
 может быть, и найдется
 какой-нибудь старейшина,
 с которым мы не знакомы, —
 но мы с ним братья по крови!
 Повсюду я находил
 дикий медвежий мед,
 всплывающую весну,
 добрый слиток слона, —
 я этим обязан друзьям,
 моей хрустальной родне.
 Народ меня опознал,
 и стал я навеки народом.
 Я на ладони взвесил
 архипелаги мира,
 и так как я не отступник,
 не отрекись я от сердца,
 от раковин и от звезд!

ПОЭТ ЗАКАНЧИВАЕТ СВОЮ КНИГУ,
 РАЗМЫШЛЯЯ О СВОИХ
 РАЗНООБРАЗНЫХ ПРЕВРАЩЕНИЯХ,
 И ПОДТВЕРЖДАЕТ СВОЮ ВЕРУ
 В ПОЭЗИЮ

От стольких рождений мне
 достался соленый опыт.
 Дитя океана, я полон
 небесными атавизмами,
 предначертаньями гор.
 Так я и движусь, не зная,
 в какой из миров я вернусь,
 останусь ли в этом мире.
 А покамест улита едет,
 вот вам мои показанья —
 парусник «Эстравагадио»¹,
 чтобы, читая его
 и ничего не вычитав,
 вы бы постигли вечный
 двигатель человека:
 всю ясность мою и смутность,
 дождливость мою и радость,
 мой ураган и осень.
 Сейчас, за этим листком,
 ухожу я, не исчезая:
 я просто ныряю в прозрачность
 пловцом, рассекающим небо,
 и, вновь начиная расти,
 настолько маленьким стану,
 что ветер меня унесет,
 и я забуду, как звался,
 и, вновь проснувшись, исчезну —
 буду петь тишиной.

¹ Так называется книга, в которую вошли эти стихи.

УЖИН В ДОМЕ ИСПАНЦА

Ветер раскачивал темноту сада, в который мы попали прямо с порога. И как только миновали его, хлопнула дверца. Это Гарсиа нашел машину, стоявшую на дороге. И тут же она осветилась внутри, как неожиданно появившийся в ночи лифт.

И раздался смех:

— А вы говорили, сапоги не нужны!

Галя, дочь Гарсиа (на снимке: в верхнем ряду первая слева), была счастлива своей правой, как бывают счастливы дети, оказавшиеся предусмотрительней взрослых.

Дом Гарсиа давно был позади, а поселок все не кончался.

— Большой какой! — нарушил я молчание.

— Кажется только, — быстро отозвалась Галя.

Я оглянулся. Она сидела одна на заднем сиденье, красное пальто ее смешалось с темнотой, и вся она погрузилась в нее, лишь белое пятно лица слегка покачивалось. Было поздно, но она поехала с нами. Она любила ездить с отцом: ей исполнилось девятнадцать, и она вправе была искать и ожидать случайностей, зная, что за порогом их больше. Она уже покидала тот теплый круг света, неподвижно висящий над столом в родном доме. Два года она отсутствовала, работала на Алтае, но вернулась на днях, еще не сообразив, насколько ли.

«Вы чувствуете, что вы наполовину испанка?» Я спросил ее об этом еще в доме. Только что, словно невзначай, она сказала матери, что неплохо бы ей покрасить волосы. В какой цвет? «Да все равно в какой, в любой». Это был бунт на корабле, и ей пришлось, наверное, не в первый раз выслушать, что «это баловство» и вообще «все эти краски и кремы только старят быстрее, а молодого красит молодость». Мать распалилась: «Вон мои одногодки, сравни их со мной — я ведь знаю, которые красились — кожа теперь дряблая, морщины какие-то... Да и отец не любит твой. И не любил никогда», — закончила мать.

Нет, она не чувствовала себя испанкой, она покачала головой. Но вопрос не был для нее неожиданным.

— Неужели совсем? — не верилось мне.

— Совсем, — ответила она.

Я поэтому и вспомнил это, оглянувшись: у нее, мне показалось, был сейчас тот же самый вид — вид, когда она сказала «совсем», а хотела сказать: «Странно, но совсем». Или «пока совсем» — кто знает.

Гарсиа, склонившись однажды над рулем, был уже совершенно неподвижен, движения его рук в темноте совсем бы-

ли для нас невидимы, и это еще больше добавляло ему неподвижности и, казалось, угрюмости. Свет слабых аккумуляторов едва сочился на дорогу, однако на ней, кроме нас, никого не было, и все же Гарсиа вел машину без риска, даже без изящества. Наверное, оно не нужно было ему. Невольное сравнение не покидало меня: он вел легкую машину в ночи ровно, как тяжелый бомбардировщик, будто шел бомбить с заданной скоростью и на заданной высоте, не теребя и не испытывая машину, зная, что другой, более высокой скорости в ее нутре просто не существует, а высота выбрана заранее и самая безопасная, чтобы меньше была вероятность встретить истребители. Только чьи, франкские, немецкие? У него и сейчас, говорил он с беспомощной улыбкой, «внутри все дрожало», когда он слышал над собой самолет, хотя де-мобилизовался в сорок восьмом году. Он никак не мог забыть самолет, и машина, по его словам, «чуть-чуть заменяла» его, но так мало, что наверняка ему было бы просто стыдно лихачить на

ней, зная, что это всего лишь подобие полета и он ведет едва ползущее по земле существо без крыльев и винтов. Но от прошлого в нем осталась эта поза сосредоточенной неподвижности, и в темноте его силуэт, право же, слегка напоминал медведя.

Впрочем, и в доме, у стола, он сидел так же. Дочери подходили к нему с той ни разу не обманутой доверчивостью, которая редко сохраняется во взрослых детях, подходили, чтобы приласкать его или только дотронуться, прикоснуться — подходили, как к чему-то огромному и надежному, напоминая котят и ласковостью и жестами, — и главное, не требуя и не ожидая от него слов, довольные уже тем, что он есть, вот он, и к нему можно безбоязненно прижаться, когда пожелаешь, и, когда пожелаешь, отойти. Самая младшая, Люся (в нижнем ряду первая), прикасалась чаще, она очень надолго приникала к нему, порой застылая у него за спиной, повиснув всем телом на нем, а он сидел, неподвижный и действительно большой, и только изредка прикасался к ее ру-

ке — осторожно пальцами, самыми концами их, поглаживая ее руку, — не шелохнется, не прогонит.

— Она у нас кончает в этом году десятый, — чуть чаще мигая, глядит на них мать, отделенная от них кругом света, лежащим на столе.

— Кем ты будешь, дочка? — спрашивает он, заранее улыбаясь. — Врачом?

Это у них игра, семейная, и их глаза уже говорят об этом: хотите — улыбайтесь, хотите — нет, потому что это принадлежит только нам и никому больше. Потому что мать с другого края светлого круга уже машет на них рукой, нарочито и громко смеясь.

— Все в него, как один, — крови бояться... До смешного доходило, — неожиданно проходит ее смех, — кто-нибудь нос разобьет — маленькие когда были — так он на руки его схватит, сам вот так весь назад отогнет, в сторону глядит, чтоб не видеть, а то и глаза закроет, и кричит во весь голос: «Мать! Сюда иди... Скорей, мать!» Пока не приду, так и будут все орать.

Гарсиа смущенно улыбается, но оттого, что улыбка его тут же гаснет, видно, что он даже и не согласен со смехом дочерей — матери прощает, а с ними не согласен — может быть, считает, что крови действительно надо бояться. И если бы он так сказал, то мне бы, кажется, это было понятно: человек, который больше своих друзей не хоронил, чем хоронил, может так сказать, и вообще может бояться крови своих детей, потому что из одиннадцати лет полетов он не воевал только два. Но он молчит.

Он молчит и сейчас, сгорбившись над баранкой.

Я знаю, как он в сороковом году стал Герасимовым. Летчики, приехавшие из Испании, принимали советское подданство, и надо было подыскать себе русскую фамилию. Альфонсо Гарсиа нашел ее без труда — он взял фамилию русского летчика, который спас его в небе Испании, но, спасая, сам погиб: фашистские «мессершмитты» сбили его самолет на глазах у Гарсиа.

— Галя! — оборачиваюсь я к ней. — А отец рассказывает вам об Испании?

Я нарочно спрашиваю у нее, хотя мог бы задать этот вопрос ему.

— Нет, никогда, — отвечает она не жалуясь, но грустно.

— Ну хотя бы о городах, о Мадриде?..

— Нет.

— Почему же?

— Не знаю, — отвечает она уже с растерянностью и явно не мне, ему; он слышит все.

Я молчу и жду. Мы умолкаем надолго. Наверное, оба ждем. Но и Гарсиа молчит. И лица его не видно в темноте совсем. Он неподвижен.

И тогда я возвращаюсь к их теплоте, ровному кругу света над четырехугольным столом. Там все видней и слышней, там все понятней, и не может быть, чтобы это мне только казалось. Там, возле него, нет даже времен года... Мысль поражает меня своей неожиданной простотой и очевидностью. Ведь у каждого из нас есть или был этот круг света над столом. Его нет только у мертвых, и его нет у того Герасимова, который остался лежать в испанской земле. В нас же, живущих, он остался навсегда. За стенами вокруг все менялось: дожди застывали снегом, замедляли свое белое падение, потом опять таяли, превращаясь в теплые и быстрые, то есть, в сущности, возвращались к себе же, в себя, и только там все не менялось, там все оставалось по-прежнему. Хотя, конечно же, что-то происходило и там, но что это были за события! Какие... Нет, это поистине были изменения неизменности. В том снопе света, как в солнечном, струятся до сих пор золотистые пылинки — и до сих пор их нельзя поймать рукой, потому что, едва коснувшись ладони, они исчезают, и сколько ни рассматривай потом руку, их не увидишь; туда неожиданно, помните, всегда неожиданно — и сразу с возникшим из ничего шумом — залетают ночные бабочки, чтобы летать там до изнеможения и биться, биться; а самое удивительное, что мы все до сих пор в том круге света, мы сидим — и у каждого свое занятие, и чувства наши к окружающим все те же — надо только всмотреться пристальней — и станет очень легко рассмотреть там себя, потому что мы все, едва родившись — и почему это новорожденных нас всегда помещают куда-то к стенке? — едва осознав себя и разглядев других, начинаем стремиться, ползти к этому кругу света, будто уже знаем, что он останется в нас до конца жизни... И я в машине Гарсиа, помню, удивился своей бесчувственности и легкомыслию: как могло случиться, что мысль об этом круге света пришла с такой отчетливостью только тогда, когда я покинул его дом? Я уже тогда прекрасно понимал, что лся эта мысль, не чувство, а мысль, от начала до конца принадлежит именно этому дому, потому что появилась от него и в нем. И даже понятно было почему. Это был не только круг Гарсиа, он принадлежал еще и тому, за кого он как бы продолжал жить, и оттого, наверное, этот круг был заметней и ярче.

...Первой у них родилась Муся (на фотографии она с женихом). О счастливых детях матери говорят мало.

— Как хорошо, — говорит Мария Ефимовна, — когда придут они, а он все ходит вокруг нее: «Мусёнок, Мусёнок...» Хорошо слушать, так и должно быть. — Это она о Мусином муже. — А вообще, — вздыхает, — далеко живут, в Махачкале.

— Вам бы рядом чтоб все, — говорю я.
— Да уж! — тихо восклицает она, не смея мечтать об этом.

Рядом только одна — Таня (в нижнем ряду третья) — работает в колхозе в двадцати километрах от поселка.

— А кто у вас, Мария Ефимовна, детей называл?

— Да уж не помню, как все и получалось... Нет, как же! Первую он назвал — Мусю. А потом... потом вместе называли. Да, вместе.

— И не ссорились? Не трудно было столько имен найти?

— Не трудно, — отрезает она с лукавством. — Главное — роди, а без имени не останется. Еще ни одного нет без имени. Правда, что ль?

— Да правда, — смеюсь мы.

И я вспоминаю, как она сказала: «Один ребенок — это так, и не ребенок вовсе, пустяк какой-то, половинка. Да и балованные они выходят. Куда ни посмотри: где один, значит, никудышный. Два — это уже маленько на дело похоже — можно считать, что один. Три...» Не узнал я, как она пересчитывает каждого из своих семи: она сама тут затруднилась, видно, никогда дальше двух заходить ей не приходилось: зная, что у нее семь, всякий и так уж был доволен — смеялся. И мы вернулись к началу, то есть к тому давнему времени, когда еще теплого круга света над их столом не существовало, да и стола не было — ничего не было, сорок второй год был.

И совсем не слово было вначале, вначале была любовь.

— Как это ты так время помнишь? — недоверчиво спрашивает Галя мать, видя, как та, едва взглянув на старый, пожелтевший снимок отца — он на нем майор, в форме, — определяет: — «Сорок восьмой это... Да, — чуть прищуривается, вглядываясь, — точно, сорок восьмой год».

— Да не понять тебе, — отмахивается она от дочери. — Как, как... Помолчи уж! Потом, может, сама поймешь...

Он «ходил» за ней месяц.

— Уж как преследовал, прости меня, господи! Ну никакого прохода не было. Пристал: «Я серьезно», — и все тут! А куда там серьезно — война кругом... Да и не нравился он мне, ну вот ни капли. Потом уж мать моя взялась: «Чего ты его гоняешь? Посмотри, как человек мучается!» А уж однажды он пришел — сразу выложил на стол орденские книжки свои и прямо по-русски, помню: ты, мол, всех на одну колодку не меряй, я не такой. А я вижу, что не такой, да вроде бы рано мне, да и война опять. Ну тут он разжалобил меня: как я, мол, на фронт пойду, совсем один на всем свете, мне и возвращаться не к кому. А то буду знать, что ты у меня, может, лучше жив останусь. Что ты тут скажешь!

— Мария Ефимовна, — рассмеялся я, — а как он сам об этом рассказывал... Может, не так было дело?

— Как не так? — рассердилась она. — Да и не помнит он... У меня память лучше, где ему! Он как работал, так уж работу свою знал, вот тут ничего не скажешь.

Гарсиа улыбается, но прикрывает губы рукой, курит.

— А что? — нападает она. — Помнишь, как друг-то твой приезжал?

— Какой? — губы так и растягиваются у него в улыбке.

— Ка-кой... — передразнивает она. —

Это-то помнишь, небось! Приехал друг в отпуск, ну и с товарищем зашли. Сначала привет от него передали, все честь честью, а потом и говорит друг-то: брось ты, мол, его, своего испанца, выходи за меня... Вот тебе и друг! Он потом полгода с ним не разговаривал, у нас, говорит, в Испании так не делают друзья, не поступают.

— А кто ж ему рассказал?

— Да я и рассказала.

— Ну что ж, и вышла бы за него, — уже не прячет улыбку Гарсиа, — теперь бы генеральшей была...

— Да-а, — качает она головой и тоже сейчас рассмеется. — И жила бы не в деревне.

— Так чего ж ты растерялась?

Они смеются вместе. Мне кажется, что она даже немножко подождала, чтобы начать вместе.

— Оплошала вот! — счастливым голосом восклицает она. — Я ж тоже думала, что так друзья не делают. Не только в Испании.

— Не знаю, не знаю, что ты думала...

Я гляжу на молчащего Гарсиа, потом в окно — на избитую, залитую весенней водой дорогу. Луна показалась. Вода сверкает, блеск ее разламывается, меркнет и снова возникает. Нет, он все-таки мудрый, Гарсиа. Как это он до сих пор позволяет ей чувствовать себя совсем молодой? Она ведь и впрямь чувствует себя такой.

А по вечерам они сидят в теплом кругу света. Младшие еще этого не понимают, но обязательно поймут, надо только, чтобы прошло время. Это так немного. И странно, этот свет не просачивается в прошлое, он сам в себе и существует сам по себе, словно бы отдельно от всего, как отдельно от него, где-то очень далеко и совсем вблизи живет вся остальная жизнь. И она неизменна. Потому что уже в прошлом. Там, например, живет их корова.

Мария Ефимовна до сих пор там ведет ее с рынка.

— Два километра я шла с ней — и все плакала, то ли от радости, то ли отчего, сама не пойму... В сорок восьмом его демобилизовали, предложили сюда ехать — он и приехал, диспетчером в автоколонну. А я в Москве, и у нас уж двое, третий во мне. Куда, думаю, я поеду? А что подлаешь, приехала. И стали жить. А время какое было! И без детей-то трудно прожить — разруха кругом... А тут они — трое. Ну, думаю, надо спасаться... Корову, говорю, давай купим. Сначала он: чего, мол, ты с ней делать будешь, — а потом, вижу, соглашается. Ну и пошли мы с ним. Денег собрали и стали искать большую корову — нам непременно большую хотелось, а нет их, больших. Откуда они тогда, большие-то? А раз пошла я одна. Старичок на рынке попался: вижу, говорит, корову купить хочешь, — давай десятку, помогу тебе. Он меня научил и как молоко определять, жирное оно или так, водичка: на руки капнешь и потрешь... Он и корову показал: вон, говорит, не гляди, что худая, хорошая она, только не кормленая. И купила я ее. Ведь осмелилась! А маленькая, худощавая — веду ее и плачу. Так все два километра и проплакала... Привела, а он еще и говорит: «Что ж ты такую маленькую купила?» Тут мне смешно стало — маленькая, видишь...

— И как, не обманул старичок?

У Марии Ефимовны еще на глазах слезы, а улыбается, и щеки румяные.

— Хорошая была, — она неприметно вытирает глаза. — Он ведь у нас какой, отец-то, — крошки чужой не возьмет. И детей так приучил. Помню, в те годы тоже... Пошел он как-то за хлебом, а в магазине — люди-то добрые везде есть, знают, сколько у нас детей — ну и подсунули ему буханку лишнюю. Так он шум поднял: почему, мол, так? Нечестно это — и все тут! Да еще когда служил после войны, помню, положен был ему ординарец. Так он мне прямо всю голову продолбил: есть он, мол, и пусть есть, но ничего его не заставляй делать — дрова поколоть или еще что — ни-че-го! Боец он, и нельзя ему этого делать.

Мария Ефимовна вспоминает, как учила детей «самостоятельности». Трудней всех, по ее словам, пришлось Саше (в нижнем ряду второй) — он первый, ему первому и доставалось, с другими уже легче было. «Бывало, придет, жалуются — побили ребята. А я еще добавлю. Сразу переставал жаловаться».

Рассказывала, как дежурили по дому — по неделям: один носит воду, другой полы моет, третий еще что-то делает, потом менялись. Это даже и не считалось работой, настоящая работа была летом, в поле, за нее давали небольшие, но все же деньги, и их можно было принести в дом. Ребята всегда радовались этому.

И они получались разные, но хорошие все — и каждый по-своему. Коля — так спокойный, ровный и рассудительный всегда (в верхнем ряду, рядом с родителями), а Толя (в нижнем ряду последний) самый сильный в семье. «Он и ел хорошо, оттого и крепкий».

— Хорошо, когда собираются все, — мечтательно говорила она. — Поедут за грибами. Отец-то только отвезет их и вокруг ходит, удивляется — до сих пор в грибах ничего не понимает, хорошего от поганки не отличит. А есть любит, да еще как!

...Что-то у нас стучит в машине. Прислушиваюсь я.

Потом оказалось, все трое слышали то же. До гостиницы они меня довели, но, как вышли, увидели — заднее колесо совсем спустило.

— А есть запасное? — спросил я.

— А то?! — ответил Гарсиа.

Так не всякий русский ответит, подумал я. А когда мы с ним стали возиться, я, признаться, и совсем забыл, что он испанец. Герасимов он, Александр Иванович Герасимов из поселка Садового, что в Воронежской области, и это о нем — он сам мне и газету показывал — журналисты из «Правды» написали, что всего у него получилось по семь: семь орденов, семь медалей и... семеро детей. Только потом случайно как-то вспомнилось, как я спросил его, когда ужинали с ним — щи ели: не снятся ли ему испанские сны? «Не снятся, — говорит. — Ни разу не было». И Марию Ефимовну спрашивал: неужели она даже в душе никогда не опасалась, что может уехать он — тогда, давно, сейчас-то уж что об этом говорить? «Если б видела, — ответила она, — что он тоскует, тогда б боялась. А так нет, никогда. И в мыслях не держала».

Мы вымыли руки в луже и попрощались. Им надо было проехать девять километров ночи, а там, впереди, их ждал ровный круг света над четырехугольным столом.

APARTHEID — ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Морис КЕЙН,
французский журналист

Три репортажа с трех континентов. Но тема одна — расизм. Это явление, на памяти нынешних поколений явившее свою страшную суть в облике нацизма, заклёбленное прогрессивным человечеством, тем не менее продолжает существовать сейчас, сегодня в капиталистическом мире. Расизм предстает под разной личиной — тут и теоретические построения о неполноценности одной расы и изначальном превосходстве другой; тут и звериная злоба «взбесившегося мелкого буржуа» (по формуле Маркса), злоба, умело направляемая в первую голову против политических противников; тут и экономические интересы, практически всегда составляющие первооснову расовой ненависти и национальной розни.

Французский журналист М. Кейн прежде не публиковал статей на политические темы. Он известен как автор интересных книг о флоре и фауне. Но вот редакционное задание — написать очерк о страусах и других обитателях заповедников на юге Африки — приводит его в города Южно-Африканской Республики. И там, в этом заповеднике расизма, он понимает, что гуманное отношение к животным несколько не облагораживает тех, кто возвел бесчеловечие в ранг закона. Он приводит в своем репортаже суждения представителей белого меньшинства — правительственных чиновников, бизнесменов, случайных знакомых. Симптоматично, что все они в один голос жалуются на «непонимание» остальным человечеством такого явления, как апартеид. Иными словами, рабского положения негров, которым законами предписано забыть о том, что они принадлежат к *homo sapiens* — человеку разумному.

Итальянский журналист С. Оттоленги рассказывает о трагедии группы африканцев, которым не довелось стать «иностранными рабочими» — так называют одиннадцать с половиной миллионов людей, живущих сегодня в промышленно развитых странах Западной Европы. Гонимые нуждой, эти люди вынуждены покидать свою родину, оставлять свои семьи, за гроши и призрачную надежду разбогатеть гнуть спину на «просвещенную», высокоразвитую Европу, лишившую их всех политических и социальных прав. Еще В. И. Ленин писал о паразитизме империалистических богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплуатации труда «дешевых» иностранных рабочих. По сути дела, это то же рабство, и караваны нынешних «иностранных рабочих», тайно пересекающие границы западноевропейских государств, мало чем отличаются от кораблей невольников, державших два века назад путь из Африки в Америку.

Речь, наконец, пойдет и об одной из самых odioзных организаций в западном мире, о ку-клукс-клане. Американский журналист Р. Лейтнер, получивший возможность встретиться с некоторыми членами клана, рассказывает о новых «взвешивах» в его среде, о том, что клан теперь постепенно «переквалифицируется»: наряду с «борьбой за чистоту расы» он объявил войну коммунизму, всем прогрессивным, демократически настроенным людям. И клану, нужно сказать, тут трудно отказать в логике: от расовых бредней до антикоммунистического мракобесия путь прямой и закономерный.

В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ РАЗНЫХ РАС РЕГЛАМЕНТИРУЕТ ЗАКОН. РАЗДЕЛЬНЫЕ СКАМЬИ. РАЗДЕЛЬНЫЕ ВХОДЫ И ВЫХОДЫ. НО ЭТО ЛИШЬ ВНЕШНЯЯ СТОРОНА ПОЗОРНОГО ЯВЛЕНИЯ. ИЗВЕСТНОГО КАК АПАРТХЕЙД. СМЫСЛ ЕГО РАСКРЫВАЮТ В РАЗГОВОРАХ С ФРАНЦУЗСКИМ ЖУРНАЛИСТОМ ПРОПАГАНДИСТЫ И РЕВНИТЕЛИ РАСИЗМА В ЮАР.

Попасть среди ночи в объятия готтентота — согласитесь, это не самое банальное начало путешествия! Однако именно так началось несколько месяцев назад мое знакомство с Южной Африкой на рейде Кейптауна. Над морем дул сильный ветер. Я спускался по зыбкому трапу с корабля, доставившего меня из Франции. Внизу, поднимаясь и пропадавая, качался катер. Когда я, зажмурившись, наконец шагнул на его палубу, меня подхватили две черные руки. В неверном свете фонаря я различил под морской фуражкой раскосые глаза и характерный профиль готтентота... А мне говорили, что эти древнейшие обитатели юга Африки вымерли еще век назад!

Собственно, так и обстоит дело, и не знаю, намеренно или случайно уцелевший потомок коренного народа встречает прибывающих в Кейптаун гостей. Пока катер везет нас к причалу, готтентот тихо осведомляется о здоровье генерала де Голля, згорчається, узнав, что он умер четыре года назад, затем не без старожоленности спрашивает о братьях Камберабо и радостно улыбается при вести о том, что двое нападающих нашей сборной по регби чувствуют себя отлично. Сочтя, что знакомство завязано, он приглашает тон и говорит, что у него есть адреса, «где можно поразвлечься»... Услужливые предложения моего гида прервал лишь конец пути. На пирсе, пожелав мне «счастливого проведения время», матрос-готтентот направился к арке с надписью «выход». Я было двинулся за ним, но служащий (тоже африканец), улыбаясь, указал мне другое направление.

Это была такая же арка, с точно такой же надписью «выход». Но теперь я уловил разницу — мелкими буквами анизу помечено: «для европейцев».

Попадаю в таможенный зал, где мне вручают формуляр. У меня есть выбор: в зависимости от графы я могу стать «европейцем», «цветным», «азиатом» или «черным». Оповещенный друзьями о моем прибытии зоолог по имени Дон Шелтер помогает справиться с бумагами.

— А если я американец? — спрашиваю я.

— Заполнили бы графу «европеец»... И если японец — тоже, — добавляет он.

— Да? Но ведь Япония...

— Японцы для нас европейцы, — говорит с уверенностью Шелтер, отбрасывая все дальнейшие географические сомнения.

Мы едем по городу. Шелтер, искоса поглядывая на мое озабоченное лицо, успокаивает:

— Поначалу вам здесь кое-что покажется странным. Но это быстро пройдет. Важно забыть о слухах и рассказах, которые распускают о нас недоброжелатели.

Шелтер говорит, что после пересадки сердца профессором Барнардом, в ЮАР зачастили иностранные журналисты.

— К сожалению, среди них было не так уж много добросовестных людей... Вы ведь тоже журналист? — уточняет он.

Я отвечаю, что пишу в основном о животных. И в Южную Африку я командирован с той же целью.

— Некоторые платили здесь черным солидные деньги, — продолжает Шелтер, — чтобы они заставили своих детей рыться в мусорных ящиках, снимали это и печатали потом за границей!

Весь путь мой спутник развивает тему о недобросовестности репортеров. Вот, скажем, в золотых рудниках, где приходится работать на крутом склоне, черные рабочие прикрепляются к балкам цепями. А кое-кто затем пишет — и показывает! — что в ЮАР «приковывают рабов». Или снимают на пленку, как двое бездельников спят днем на лужайке, а подписи дают такую: «Жертвы полицейских репрессий»... Вся беда в удаленности Южной Африки. Не всякий же, в самом деле, может поехать и убедиться собственными глазами, что все это ложь.

Я успокаиваю Дона Шелтера. Подобная практика не в моих правилах, да и вообще я несколько не намерен вмешиваться во внутренние дела его страны.

Небоскребы Кейптауна остаются позади. Мы едем по Грин-Пойнту, чистенькому предместью, кокетничающему своим сходством с Монте-Карло. Останавливаемся на обсаженной пальмами улице у отеля. К машине тотчас же выходит несколько грумов — чернокожих, разумеется.

Легко было обещать не вмешиваться, но попробуй не заметить этих внутренних дел! Те же четыре графы на регистрационной карточке, которую с поклоном протянул мне портье («европеец», «цветной», «азиат», «черный»), утверждают здесь разницу между людьми, чья судьба наградилась той или иной кожей.

«Апартеид» — так называется регулятор отношений в Южно-Африканской Республике. Из окна моей комнаты доносится покойный шелест океана. «Апартеид»... Есть слова, которые начинают жить отдельной жизнью, заслоняя скрытый в них смысл. Надо постараться не поддаваться магии этих трех слогов. Если «апартеид» — заклинание, следует забыть о призраках, которые он вызывает. Если это бомба, надо посмотреть, чем она начинена...

— Это хорошая страна, мсье... В ней легко жить.

Человек смотрел на меня, привалившись животом к стойке. Это был натурализовавшийся бельгиец, а разговор происходил в баре гостиницы. Сегодня утром я прошелся пешком до центра Кейптауна, ловя на себе любопытные взоры: я был практически единственным белым пешеходом. Лишь в самом центре, где массив-

ные двери банков соседствовали с зеркальными витринами магазинов, толпа была смешанная. Но и здесь чувствовался невидимый порядок — белые шли вдоль стен домов, черные — по кромке тротуара.

Рядом с миром белых, очерченный невидимой границей, существовал мир теней. Тени готовили еду, подавали на стол, стирали белье, наливали бензин. А также работали под землей и на лесах строящихся небоскребов.

— Все это так, — сказал бельгиец. — Мы обречены жить вместе. Белые не в силах обойтись без черных. Но и черные не смогут прожить без белых...

Он налил мне в стакан безалкогольного пива.

— Вас что, шокируют раздельные входы и лифты для белых и небелых?

Я ответил, что в теории это не более трагично, чем залы ожидания и вагоны первого и второго класса. Но мне хочется узнать: зачем это делается?

— Поживите здесь подольше — и поймете сами, — улыбается бельгиец. — Представьте себе, к примеру, что в Париже у вас два миллиона белых на восемь миллионов черных...

Значит, это страх?

— Скорее инстинкт самосохранения. А для этого надо соблюдать дистанцию. Этим объясняется наш суровейший запрет на браки между белыми и цветными... Если вы протянете палец, у вас немедленно оттянут руку! Стена должна быть стеной. Выньте один-единственный камень, и остальное рухнет само...

Курительный салон той же гостиницы. Глубокие кресла, мягкий свет, тропические растения. Человек, сидящий со мной рядом, похож на бизнесмена. Он осуждает апартеид. Не практику, а термин.

— Представьте себе. Только что закончилась мировая война с нацизмом, когда мы провозгласили апартеид. У многих сложилось впечатление, что нацизм переполз на юг Африки. А ведь апартеид не имеет ничего общего с нацизмом!

Слово, объясняет он, происходит от выражения «апарте онтвиккелинг», что на языке африкаанс (диалект голландского языка) означает «раздельное развитие».

— Обратите внимание — развитие! Южная Африка — это котел, где варятся три с половиной миллиона белых, два миллиона метисов, восемьсот тысяч азиатов и тринадцать миллионов банту. Причем африканское население, в свою очередь, делится на несколько больших народов по два-три миллиона каждый. Эти народы постоянно враждуют между собой, и, если бы не наше присутствие, здесь шла бы нескончаемая кровопролитная война!

Я замечаю, что в других местах африканцы быстро договариваются друг с другом и без чужого вмешательства.

— Нет, здесь это невозможно ни под каким видом! — восклицает мой собеседник. — Спасение только в раздельном развитии. То есть каждая группа населения живет согласно своим традициям и устремлениям. Более того, только наличие законодательных барьеров между этими группами позволяет избегать трений и конфликтов. Как только законы исчезают, начинается хаос.

Я говорю, что «раздельное» мне понятно, но что означает в данном контексте «развитие»?

— Мы позволяем каждому оставаться самим собой и одновременно все вместе пользуемся благами технологической ци-

визации, созданной белой общиной. Вот почему долго еще лидерство будет принадлежать нам... Вообразите поезд, идущий в одном направлении, где все едут в разных вагонах. В поезде четыре вагона с черными, один вагон с цветными и азиатами, и головной вагон — моторный — с европейцами.

Я заметил, что нельзя не признать известной логики во всем этом. Разве только белый вагон мягкий, с удобными креслами, а остальные жесткие, с деревянными скамейками...

Претория, столичный город. Во всем его облике спокойная чинность. Здания с колоннами — парламент, министерства, правительственные учреждения. Как и повсюду, здесь на улице много африканцев, но в поведении их, даже в походке, куда больше скванности. Им явно неуютно под сенью бронзовых статуй государственных мужей Южной Африки — насупленных джентльменов в рединготах и круглых котелках.

Претория — то место, где родилась и кристаллизовалась теория апартеида. Отличный случай, чтобы выслушать официальную точку зрения.

Меня принимает высокопоставленный чиновник г-н Петрус ван дер Мерве — человек с великолепными манерами и тонкой кальвинистской бородкой. Голубые нездешние глаза его полны благожелательности.

— Апартеид, — говорит он, — или, как мы предпочитаем говорить, раздельное развитие, не является застывшим учением. Это политика, приближенная к требованиям сегодняшнего дня. Я бы даже сказал — рабочая гипотеза, действующая в преддверии лучших, возможно более удачных, решений. Я думаю, вы согласитесь с тем, что наша республика приняла в наследство сложный клубок проблем. И разрешить их разом просто нет возможности. Апартеид имеет множество недостатков, безусловно. Но это сегодня единственный выход из положения. Ведь политика, как вы помните, это искусство возможного...

Г-н ван дер Мерве делает глоток из ко-

фейной чашечки японского фарфора. Во всех чиновничьих кабинетах ЮАР вам непременно предложат чай или кофе. Традиция гостеприимства.

— Мы реалисты, — говорит он. — Поэтому иногда кажемся более жесткими, чем на самом деле. Однако данная политика ведется в интересах большинства — я имею в виду большинство белого населения. Африканцы банту находятся еще на стадии племенного развития. Наша задача — помочь им цивилизоваться как можно быстрее. Мы говорим им: «Мы отличаемся от вас, но все мы, каждый по-своему, заслуживаем уважения. Оставайтесь самими собой. Не старайтесь быть эрзац-белыми. Позвольте нам вести вас по стезе прогресса, ибо этот путь известен нам лучше, у нас более богатый опыт». Как видите, эти отношения — прямая противоположность расизму, который провозглашает ценность только одной группы населения в ущерб другим.

«То, что обычно величают расизмом — езжие иностранцы, — это мелкие беды текущего момента. Интеграция еще нигде не увенчалась успехом — взгляните на Соединенные Штаты. Кстати, ведь их черное меньшинство исчисляется какими-то пятнадцатью процентами, в то время как наше положение неизмеримо сложнее. Обратите внимание на то, что творится в Северной Ирландии, на трения в Бельгии, на китайские погромы в Индонезии... Нет, четкое понимание границ сближения людей разной расы, национальности или религии — вот ключ к более или менее стабильному порядку. Внешние признаки апартеида — надписи на вагонах, раздельные входы, лифты — все это комплекс мер, призванных сохранить ту самую грань, о которой я говорил. Однако это еще и укоренившаяся традиция, которую мы не в силах отменить одним росчерком пера. Лично я принадлежу к породе идеалистов, надеющихся, что в один прекрасный день эти пошлые признаки исчезнут, уступив место чувству признательности за то, что «раздельное развитие» сохранило каждой группе населения свое достоинство и свои ценности».

— Мы лишены понимания! — воскликнул мой сосед в самолете по дороге в Йоханнесбург. — Страна, добившаяся столь выдающихся достижений, окружена народами, ненавидящими нас, хотя вместо этого им следовало бы обратиться к нам за помощью и советом. Остров прогресса посреди моря дикости!

Мы познакомились на почве мяса. Два дня назад меня повели на страусиную бойню, и с тех пор меня не покидает жуткий привкус во рту: при одной мысли о мясе к горлу подкатывает тошнота... Вот это, что принес стюард, что это такое?

— Не волнуйтесь, отбивная не из страусятины, — успокоил меня сосед. — Гарантирую, что это баранина.

Но я ничего не могу с собой поделать. Отодвигаю пластмассовый поднос и жадно пью минеральную воду. Сосед сочувственно предлагает сигару — великолепно отбивает запах... Разговор быстро переходит на интересующую меня тему — апартеид. Тогда-то мой любезный сосед и посетовал на непонимание.

— Согласитесь, что добро вдвойне тяжелее делать, встречая сопротивление. Но необходимо. Дети тоже вопят, когда родители дают им горькое лекарство. Однако родители знают, что это полезно. Им ведомо, насколько благотворно скажется оно через год, два, через десять

лет... Апартхейд в будущем создаст несколько отдельных наций — сото, ксоза, зулусов, бапеди. Уже сейчас они обладают культурной автономией на своих территориях. Там же они приобретают опыт управления.

Я замечаю, что, насколько известно, племенные поселения создаются более или менее искусственным образом. При этом лучшие земли уже давно находятся во владении белых.

— Дорогой мой! Бесплодной земли нет! Только для этого надо работать, работать! А непрошенные защитники наших черных, — тут он покосился на меня, — трубят о том, что мы обязаны создать им самые благоприятные условия. Разве это справедливо? Здесь ведь не колония, где белые живут временно в ожидании дня, когда они смогут вернуться в метрополию и остаток дней провести без забот среди своих. Мы живем здесь уже несколько поколений и хотим, чтобы и дети, и внуки наши пользовались тем, что мы создали. Коль вы за справедливость, то за справедливость для всех!

Следующая встреча в деловой части самого делового города страны — Йоганнесбурга. Мой собеседник охотно поддерживает разговор о политике.

— Может возникнуть вопрос, — говорит он. — Раз мы постоянно соседствуем на работе, на улицах — к чему все остальные ограничения? А дело тут вот в чем. Мы противники абстрактного гуманизма. Для нас нет людей вообще. Банту вовсе не желают принимать нашу культуру — зачем их насильно втягивать в нее? Зато они хотят — и это естественно — иметь те же бытовые удобства, что

и мы. И мы их учим, что все это можно приобрести. Но для этого нужно работать, работать хорошо и много! В других странах Африки роздали избирательные бюллетени всем без исключения и считают, что ввели равноправие. Мы же не даем своим неграм абстрактных прав, зато предоставляем им кое-что более существенное — работу и жилье.

— Значит, у черного населения нет надежды получить равные права с белыми?

— Господь с вами! Мы же захлебнемся! Сейчас мы осуществляем умелое руководство страной. Как только оно перейдет в неквалифицированные руки, все пойдет прахом!

— Да, но где возможность остальным приобрести равную квалификацию?

— Они развиваются в рамках собственного общества. Это и есть, по нашему мнению, действенный антирасизм...

Я рассказываю о моей первой встрече с черным матросом в Кейптауне. Жизнь на задворках белого города превратила его в люмпена, промышляющего сводничеством. Не есть ли это в некотором смысле закономерность такого неприкаянного существования людей? Оторвавшись от своей среды и не в силах обрести новую, человек обречен жить без корней, без поддержки...

— Но ведь ваш матрос может вернуться в племя! Никто его не удерживает в городе!

...Поздно вечером на одном из переулков Йоганнесбурга я видел удивительное зрелище. Трое африканцев разожгли на тротуаре костер из картонных коробок и закусывали, сидя тут же. В Париже подобные действия немедленно навлекли бы на них громы и молнии поли-

ции. Здесь — нет. Должно быть, это бездомные? Оказалось — ночные сторожа.

— Они остаются на ночь, потому что имеют рабочие паспорта, — объяснили мне. — Остальные должны возвращаться в «черный» город-спутник.

— А как же личная свобода? — осведомился я.

— «О свобода, сколько преступлений совершено твоим именем!» Это ведь написано вашим писателем? Введи мы такую свободу, нас ждал бы хаос... А так каждый крупный город имеет свой спутник, где у черных есть все: магазины, церкви, племенные танцы. Вы говорите, они не имеют права его покидать? А вы вечером уезжаете из своего города?

— Нет, но мысль о принудительном заточении меня тяготила бы. А если к тому же мне приходилось без конца представлять свой паспорт, я бы чувствовал себя в оккупированной стране с комендантским часом.

— Вы забываете, — с жаром отвечали мне, — что все эти города-бантустаны на двести-пятьсот тысяч душ строятся за наш счет. Мы основные налогоплательщики! Апартхейд — наше тяжелое, но безысходное бремя.

— Однако вы мне сами говорили, что африканцы за равную работу получают меньше. Думаю, эта разница покрывает расходы?

— Мне странно одно, — вступает в разговор молодой человек с квадратной «бурской» бородкой. — Почему в других странах вмешиваются в наши дела, о которых толком ничего не знают?..

Перевел с французского М. БЕЛЕНЬКИЙ

РАБЫ ДЛ
ЕВРОПЫ

Это случилось на северной границе Италии. Их было шестеро. Шестеро молодых парней из Мали, которых торговец из Берега Слоновой Кости переправлял во Францию, где им предстояло пополнить подпольный рынок «цветных» рабочих или же влиться в одну из шаек преступников. Усталость и тяготы длительного путешествия, холод высокогорья оказались сильнее: когда прибыли карабинеры, троим уже было не помочь, остальные трое были срочно отправлены в больницу. Проводник арестован. Горькая, невероятная история сама по себе, она становится еще горше, едва мы отдадим себе отчет в том, что в эту драму вовлечены тысячи несчастных, бесправных людей, едва мы дадим себе труд вспомнить другие аналогичные истории. Например, прошлогодний скандал с грузовиком-холодильником, в котором тайно перевозилось 159 рабов-африканцев. Их жизнь была спасена благодаря лишь случаю: у грузовика произошла поломка, и шофер был вынужден открыть холодильник. Скандал вызвал резонанс, зашевелились власти, смущенные тем, что Италия оказалась облюбованной в качестве «моста» организаторами преступной торговли, но вот прошел этот год, 159 африканцев вернулись на родину, а предполагаемый преступник-итальянец все еще на свободе...

И новый скандал, новые мертвые. Но есть ведь и чудом уцелевшие, способные рассказать нам, как все происходило. Такое случилось впервые, такого и вправду еще не было, ведь одно из непеременимых условий «договора» работорговца с рабом — молчание. Что бы ни случилось, раб должен молчать. Ничего не рассказали те 159, спасенные в прошлом году, ничего не говорят и те, что время от времени попадают в руки полиции Марселя или Парижа. Даже тюрьма не может развязать им язык. Утверждают, что во Франции их 100 тысяч; 100 тысяч рабов «издания 1973 года». А сколько их в Италии? После событий прошлого года было проведено расследование, но результаты его и по сей день неизвестны. Причины на то множество, но, похоже, одна из них такова: руководят международной сетью торговли рабами все те же «крестные отцы», хозяева мафии, а сфера их деятельности весьма широка...

Мы расскажем здесь историю трех рабов. Так, как ее нам рассказали они сами. С трудом подбирая французские слова, больше жестики. История эта проста и невероятной кажется оттого лишь, что, когда мы говорим о рабстве, воображение привычно уносит нас к временам «Хижины дяди Тома».

Рассказ Лассана Дижамбу, 26 лет, пациента больницы «Магдалена»

— Я боюсь, мсье, я боюсь того, что может со мной случиться, но я все равно буду говорить. Я расскажу мою историю, похожую на сотню других. Родился я в пригороде Бамако. Говорят, мне двадцать шесть лет, но точно я не знаю, и никаких официальных документов у меня никогда не было. Просто так сказал мне отец. В семье нас шестеро

Сандро ОТТОЛЕНГИ,
итальянский журналист

РЕПОРТАЖ, КОТОРЫЙ ВЫ ПРОЧТЕТЕ, НАПИСАН В ОКТЯБРЕ 1973 ГОДА, ХОТЯ, ЕСЛИ ИСХОДИТЬ ИЗ ОПИСЫВАЕМЫХ В НЕМ СОБЫТИЙ, ОН МОГ БЫТЬ ДАТИРОВАН И ПРОШЛЫМ ВЕКОМ. СУДИТЕ САМИ: ОЧЕРЕДНОЙ КАРАВАН РАБОВ-АФРИКАНЦЕВ, ДЕРЖАВШИЙ ПУТЬ НА «РЫНОК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЯСА», НЕ ДОБРАЛСЯ ДО ЦЕЛИ. ОТ УСТАЛОСТИ, ХОЛОДА И ГОЛОДА ПОГИБЛО ТРОЕ НЕВОЛЬНИКОВ.

братьев и четыре сестры, отец — крестьянин, я же занимался всем понемногу. Школа? Нет, никогда не учился. Я, правда, умею немного читать и могу написать мое имя и сказать по часам время. На школу не было времени, да и возможностей тоже. Надо было что-то делать, чтобы не умереть с голоду. Я уже говорил вам, что занимался всем понемногу: от крестьянской работы до чистки ботинок. Пока не приехал к нам тот белый, который сказал, что если я хочу, то могу поехать работать во Францию.

Я и не знал, что такое Европа, Франция, но я видел, как уезжали туда мои друзья. Раз или два раза в месяц к нам приезжал тот белый с уже готовыми паспортами, визами, билетами на самолет. И многие мои друзья уезжали. Они говорили, что скоро вернутся с карманами, полными денег, что откроют магазин или купят машину...

Однажды белый пришел и ко мне. Он знал, что я хороший работник, я был сильный и здоровый. Он пришел к моему отцу и на нашем диалекте — а говорил он на нем очень хорошо — объяснил ему, что мне надо поехать во Францию, где я могу заработать столько денег, что вся семья будет богатой. Мы в семье мусульмане, и отец хотел, как того требует религия, держать всех нас при себе. Но я уговорил его. Я думал тогда, что мои друзья так разбогатели, что просто не хотят возвращаться домой. А мне что здесь делать? Последнее время я промышлял тем, что покупал в городе на базаре ботинки и продавал их в деревнях. Много на этом деле не заработаешь... И вот однажды я сказал белому «да». Он меня сразу же повел в город и показал роскошную гостиницу, где жил он сам, его замечательная машина и его женщины. Он меня даже угостил выпивкой и сказал, что я хороший парень, что он меня сделает богачом в Европе. Мне нужно только подождать, он обо всем сам позаботится.

Он и в самом деле скоро вернулся и сказал: «С тобой поедет еще несколько человек. Ты пока готовься, но, смотри, никому не говори об отъезде». Я и сам понимал, что болтать нельзя, ведь власти задерживают тех, кто хочет так вот уехать.

Мы выехали ночью: я и еще шестеро ребят. На машине белый отвез нас в Ниамею, это в Нигере, а там посадил на самолет, летевший куда-то на север Африки. «Не бойтесь, — сказал он нам на прощание, — вас везде будут встречать. Ни о чем не думайте, а если кто будет вас расспрашивать, говорите, что вы туристы. Вот ваши паспорта».

Так началось наше путешествие. Друг друга мы не знали, но сразу же поняли, что белый каждому обещал одно и то же. Но теперь обратной дороги нет, было, мы были в долгу у белого...

Рассказ Тидьи Данфанга, 25 лет, находящегося в лагере беженцев

— Вещей у нас не было, только то, что на себе — рубашка и легкие брюки. Деньги — только самая мелочь, ее нам дал белый вместе с документами и билетом. Он сказал, что пусть нас долг не волнует: отдадим ему в рассрочку, когда разбогатеем. Во Франции это не проблема.

В аэропорту нас ждал другой человек. Он отвез нас на своей машине в город,

накормил и объяснил, что начинается самый трудный участок пути. Мы-то думали, что поедем теперь прямо во Францию. На пароходе или самолетом. Но наш друг объяснил, что теперь наши документы недействительны и во Францию придется добираться тайно. Раньше, говорил он, добирались через Италию, но теперь прямо в Италию попасть стало трудно, придется через другую страну... Когда он снова сажал нас в самолет, то сказал: «Если вас будут останавливать, расспрашивать, притворитесь, что ничего не понимаете. Говорите, что вы туристы и что у вас есть обратный билет. В крайнем случае вас просто вернут сюда». Он нас больше не кормил и даже мелочи на бутерброды не дал. Некоторые из нас перепугались и сказали, что хотели бы вернуться домой. «Если хочешь домой, верни деньги за билет, — сказал им в ответ «друг». — А не вернешь, я тебя сразу в полицию отведу, а у меня там найдутся свои люди».

В общем, мы снова оказались в самолете. Мы даже не знали толком, куда летим. Да и откуда знать, раньше-то мы всю жизнь прожили в своем доме. Я, как и другие, могу немного писать и читать, а выбрал меня белый потому, что видел, как я работаю в поле...

Торговля «каторжниками труда», как называют новых рабов, — один из наи-

более доходных среди всех тайных бизнесов наших дней. Особый размах бизнес приобрел во Франции, но отделения его имеются практически во всех развитых странах Западной Европы. Тайно ввезенные африканские рабочие используются в самых тяжелых и неблагоприятных профессиях. Согласно недавнему обследованию во Франции оплата труда рабов равна лишь четверти обычного заработка; разумеется, африканцы лишены всех форм страхования, социального обеспечения, медицинской помощи. Добавьте к этому ужасающие условия жизни: гетто в пригородах, состоящие из развалюх, место в которых стоит бешеные деньги. Деньги эти идут все тем же организаторам «бизнеса на рабах», как, впрочем, и вычеты из зарплат в счет погашения «долга». Определенную сумму с каждой пары дешевых рабочих рук платят работодателям и снимают с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу принятого на предприятие африканца. Недостаточный даже для пропитания заработок, полный разрыв связей с домом, невозможность вернуться на родину — с каждым днем раб становится, если можно так выразиться, еще большим рабом, он просто перестает существовать как гражданин, как человек с именем и фамилией... Эта судьба и ждала шестерых молодых африканцев.

Рассказ Лассана Барадижа, 33 года, пациента Центра реанимации

— Едва мы вышли из самолета, как почувствовали холод. Мы ведь были в рубашках и брюках. К нам тут же подошел африканец. Тот самый, что сейчас в тюрьме. Его зовут Фоссено Траоре. Он говорил нам, что он из Берега Слоновой Кости, но я что-то не верю ему...

Из аэропорта мы выехали на машине. Каждому Траоре дал новые документы и сказал, что в Италию мы будем пробираться пешком, границу пересечем ночью. В Италии мы должны сесть на поезд и доехать до границы с Францией. И эту границу мы тайно перейдем ночью, ну а там уж доберемся до Парижа. Когда мы выходили, то думали, что теперь-то мы уже близки ко всему, на что надеялись, — к работе, деньгам... Мы и не подозревали того, что могло случиться и случилось на самом деле.

Ночью мы вылезли из машины, кругом было тихо и пусто, и Траоре сказал нам: «Сейчас мы пойдем пешком через лес. Не бойтесь, я знаю дорогу». Сам он шел первым, мы — за ним. Закапал дождь, стало очень холодно, но укрыться нам было нечем. Минувало несколько часов, а мы все шли и шли. Согреться, однако, не удавалось; наоборот, холод проникал до костей, ведь одежда намокла, промокли насквозь и матерчатые ботинки, так что некоторые шли босиком. Траоре заставлял нас бегать, прыгать, он не давал нам передышки. «Вперед, вперед! — кричал он. — Идти еще далеко — вон до тех огней у горизонта». Сам же он шел легко и быстро — он ведь был сыт, да и одет он был в пиджак, плащ и крепкие ботинки.

Наконец один из нас упал. Траоре поднял его за руку и, дав хорошего пинка, заставил бежать. Но парень снова упал, и мы видели — у него уже не было сил подняться. Траоре принялся кричать на нас, угрожая оставить там, в горах, если мы тотчас же не побегим. Мы подхватили упавшего и потащили его с собой. Но далеко мы не ушли: нам было слишком холодно, и дождь лил все сильнее. Тот парень, что упал, теперь лежал без движения, растянувшись на земле. Потом упали еще двое, я тоже растянулся и долго не мог подняться, лежал, привалившись к скале. Я видел, как уходит Траоре, и слышал, как другие умоляют его не оставлять их... Я пролежал в том месте не один час, и на моих глазах умерло трое ребят; до последней минуты они все жаловались на холод и говорили о том, как они хотят во Францию. Потом они замолчали, да и я потерял сознание.

Теперь я чувствую себя хорошо, но мне очень хочется поскорее вернуться домой. Я не хочу умирать от холода...

В то утро Траоре, дойдя до города, снял номер в гостинице и принял горячий душ. О людях, которых он вел через горы, он никому не сказал ни слова. Один из них нашел в себе силы, чтобы дотащиться до железной дороги и постучаться в дверь путевого обходчика. Хозяева, перепуганные неожиданным видением в окне, тотчас же позвонили карабинерам. Это и спасло жизнь троим африканцам. Трое же погибли от голода и холода. Трое, поверившие уговорам и обещаниям охотников за «каторжниками труда», за современными рабами.

Перевел с итальянского С. РЕМОВ

„КУ-КЛУКС-КЛАН“ — НОВАЯ ВОЛНА

Рон ЛЕЙТНЕР
американский журналист

Было три часа утра, когда за мной пришли. Это произошло в Хьюстоне, штат Техас, в самом центре города, за гостиницей, где я жил, в дальнем углу пустынной стоянки для автомобилей. Первым делом мне завязали глаза. Затем усадили на заднее сиденье автомобиля.

По радио шофер передал короткое сообщение: «Машина № 5 с пассажиром направляется к месту встречи». Немедленно на той же самой волне пришло подтверждение прisma от одной из двух других машин, катящих где-то там, в темноте.

Мне были даны строгие инструкции. Я не должен первым вступать в разговор с теми, кого повстречаю. Я обязан подчиняться любому приказу и, что особенно важно, никого не «волновать».

Проехав всего лишь несколько минут, наш автомобиль резко затормозил. Чья-то рука сняла с меня повязку. Передо мной возник человек в форме муниципального полицейского города Хьюстона. Ни слова не говоря, он приступил к обыску, вне всякого сомнения для того, чтобы убедиться в отсутствии у меня магнитофона.

То был самый страшный полицейский, какого мне когда-либо доводилось видеть. Его лицо скрывала маска, а на голове находился характерный для ку-клукс-клана (ККК) колпак, ставший символом секретной террористической организации, чья история восходит к войне за отделение американского Юга.

Его полицейскую бляху, так же как и номер радиофицированной машины, принадлежащей полиции Хьюстона, прикрывали широкие ленты. Позднее к нам присоединился другой полицейский, тоже в капюшоне, один из помощников шерифа города Галвестона.

Мы находились рядом с шоссе, у закрытой на ночь бензоколонки. Несколько нервничая, я сделал первые снимки. В тишине раздавались лишь щелканье спускаемого затвора фотоаппарата и звуки переговоров местной полиции, доносящиеся из радиоприемника автомобиля.

Встреча на заре с полицейскими в масках была прелюдией к двум неделям ночных поездок в компании людей из ку-клукс-клана. Для меня все это стало неопровержимым доказательством реальности, о которой вот уже много лет говорят американские негры: в южных районах Соединенных Штатов в ККК входят полицейские.

Секция клана в Хьюстоне тайно вступила со мной в контакт и сделала не совсем обычное предложение. Мне было разрешено взять несколько интервью и сфотографировать членов клана вместе с семьями и даже опубликовать их имена и адреса. Мне было также позволено фиксировать на пленку во время ночных экспедиций людей клана, в том числе и тех, что служат в техасской полиции.

«В этом случае, — предупреждали

«КОМАНДА УБИЙЦ», «ГРУППА УНИЧТОЖЕНИЯ», «СВЯТОЙ УЖАС» — ТАК ИМЕНУЮТ СЕБЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ТАЙНОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ФАШИСТСКОГО ТОЛКА ОРГАНИЗАЦИИ КУ-КЛУКС-КЛАН. СОЗДАННЫЙ ЕЩЕ В 1865 ГОДУ КАК ОРУЖИЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ НЕГРИТЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ США, КЛАН В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ «МОДЕРНИЗИРУЕТСЯ», ДАБЫ ИЗБЕЖАТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО УПАДКА. НЕТ, ОН НЕ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ СВОЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ ФОРМЫ — БАЛАХОНОВ, КРЕСТОВ И ПРОЧЕЙ БУТАФОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ШАБАША. НЕ ИЗМЕНЯЕТ ОН И СВОЕЙ СУТИ — МРАКОБЕСИЮ, ВОИНСТВУЮЩЕМУ КОНСЕРВАТИЗМУ. ПРОСТО ТО, ЧТО ВСЕГДА БЫЛО ЕГО СКРЫТОЙ СУТЬЮ, — ЗАМЕШАННЫЙ НА РАСИЗМЕ ЗВЕРИНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ — СЕГОДНЯ ОТКРЫТО ПРОВОЗГЛАШАЕТСЯ ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ И ЦЕЛЮЮ.

меня, — вам стоит быть осмотрительным». Полицейские, входящие в клан, не хотят, чтобы их имена просочились в прессу. Если когда-нибудь будет установлена их связь с ККК, им грозит увольнение и даже тюрьма. При малейшем подозрении, что кого-нибудь впоследствии опознают, дело могло принять опасный оборот и для меня. Поэтому перед объективом фотоаппарата они разговаривали со мной в масках и колпаках.

Обращение ку-клукс-клана к журналисту само по себе красноречиво. Это означает, что организация признала свое поражение. Впоследствии я понял, что молодые руководители так назы-

ваемой «новой волны» ККК решили «примириться» с мыслью, что американские негры останутся в этой стране. Поэтому борьба против интеграции негров на время отодвигается на второй план.

Напротив, в качестве главной задачи клан отныне ставит перед собой борьбу против одного и, по их мнению, бесконечно более опасного для страны противника — коммунизма. В глазах неоклана нет ничего страшнее для Америки, чем «заговор мирового коммунизма».

Итак, мне было позволено в течение двух недель разделить с людьми клана их ночную жизнь. В первый же день

я установил, что в таком городе, как Хьюстон, клановец, уходя из своего кабинета или заправочной станции, сразу же погружается в мир шпионажа, терроризма, слежки, подрывной деятельности. Во всяком случае, именно в этом состоит одна из сторон разнообразной работы Кей-Би-Ай — разведывательно-бюро клана.

Иными словами, член клана посвящает свободное время просачиванию в различные организации, подозреваемые «в связях с коммунистами», или же терроризирует социалистов, либералов, вообще любого, кто, по его мнению, может быть членом подрывной армии, «пытающейся любыми средствами захватить Америку». К примеру, одному члену Кей-Би-Ай удалось пробраться в группу «Студенты за демократическое общество», которую клан занес в разряд вражеских.

Клановец вполне может быть членом группы в управляемом вооруженными людьми радиотелевизионном автомобиле, преследующей на одной из дорог, опоясывающих Хьюстон, так называемых «агентов коммунизма», или же проникать в качестве агента Кей-Би-Ай в спальню подозреваемого в коммунизме, чтобы приколоть ему на подушку угрожающее послание, подписанное ритуальными буквами — ККК.

Борьба с левыми в Хьюстоне частенько сопровождается взрывами бомб, перестрелками, рукопашными схватками, поджогами, многие из которых дело рук клана...

Моем агентом по связи с секцией ККК в Хьюстоне был молодой человек 26 лет по имени Луис Бим-младший. Он участник войны во Вьетнаме, награжден одним из высших американских орденов. По-настоящему Бим проявил себя после возвращения с войны. Он привлек к себе внимание в день, когда ворвался на митинг за мир, чтобы захватить знамя Фронта освобождения Южного Вьетнама, которое развевалось над собравшимися. Бима полиция задержала.

— Они остановили меня, потому что в этом состоит их обязанность, — сказал Бим. — Но я думаю, что большинство полицейских были на моей стороне...

Бим все еще очень привязан к пулемету «М-60», которым пользовался во Вьетнаме. Скорострельность его около 750 выстрелов в минуту. Бим умеет им пользоваться и с гордостью показал мне личный счет убитых, который, очевидно, получал во время войны каждый стрелок американского вертолета. Любовь Бима к огнестрельному оружию осталась прежней.

— У меня всегда при себе оружие. Кое-что у входной двери, есть и в спальне, а также в машине. Я никогда не сажусь за руль безоружным. Для этого есть свои причины. С собой вожу карабин «М-1». Он полуавтоматический, скорострельность — тридцать выстрелов. Предназначен для ближнего боя. Прекрасное оружие, с ним всегда легко.

...Когда я впервые повстречался с Бимом, он учился на факультете права и одновременно был одним из руководи-

телей местного отделения клана, а также активным сотрудником Кей-Би-Ай. Он прилежно постигал науки и усердно работал в клане. Тогда же большое жюри штата Техас обвинило его в том, что он бросил бомбу в помещение либеральной радиостанции «Пасифика». Бим утверждал, что к этому делу не имеет никакого отношения. Потом, как он и предсказывал, у него нашлось алиби.

— После того как я пришел с войны, — рассказывал Бим, — обстановка в стране была уже не та, как перед моим отъездом во Вьетнам. Похоже, все изменилось. Помню, во времена моего отъезда люди были с нами, с солдатами. А по возвращении у меня сложилось впечатление, что все наоборот: большинство повернулось против войны.

Я думаю, — продолжал Бим, — что наступление против войны, принятое левыми, достигло своей высшей точки в 1968 году, немного позже моего возвращения. Я видел их по телевизору, тех, кто жег знамя перед Капитолием в Вашингтоне. В ту минуту, а точнее, в ту же секунду я понял, что мне как личности надо предпринять что-то такое... Мне тогда казалось, что война еще далеко не кончена, что ее продолжение здесь, в Соединенных Штатах. Иначе говоря, нужно как можно скорее снова становиться под

знамена и начинать борьбу. Единственная разница: за уничтоженного во Вьетнаме противника давалась медаль. А здесь это может кончиться тюрьмой. И тогда я решил выяснить, какая консервативная организация показала себя наиболее эффективной в борьбе против коммунизма...

Луис Бим сначала обратил внимание на «Общество Джона Бэрча» (крайне правая группировка), но оно показалось ему «слишком дряблым». Что касается «Совета граждан», то, по словам Бима, он слишком озабочен одной проблемой — противодействием обязательной интеграции негров.

— Моя же задача состояла в другом. Конечно, я тоже против форсированной интеграции, но главное для меня не расовый вопрос, а борьба с коммунизмом. Я начал присматриваться к «минитменам». Там дела обстоят несколько лучше в моем понимании. Эти люди действительно способны на многое и хорошо подготовлены к борьбе с противником. Но у них мне не понравился культ секретности. Я не хотел бы принадлежать к организации, о которой не имею права никому сказать ни слова, о членстве в которой я не могу говорить.

На его пути были и другие правоэкстремистские организации. Например, американская нацистская партия, объ-

единяющая горстку фашистов, но даже Бим считает, что у них за душой ничего нет.

Прошло немного времени после случая со знаменем, обратившим на Бима внимание, как его пригласили к Великому дракону ку-клукс-клана штата Техас.

— Его зовут Фрэнк Конверс, — сказал мне Бим. — Это настоящий великан. Достаточно взглянуть на него, как сразу понимаешь — он может голыми руками разорвать вас. Конверс был владельцем процветающего оружейного магазина, пока не стало известно, что он местный шеф клана. За это его начали преследовать, арестовывали. Торговлю пришлось бросить. Но это человек из высшей иерархии; он рассказал мне много удивительного. Именно он первым сообщил мне о существовании заговора с целью установить в Штатах социализм. В конце концов я решил, что ку-клукс-клан — для меня наилучшая организация по эффективной борьбе против коммунизма.

Бим объяснил: несмотря ни на что, он долго колебался, прежде чем вступить в ку-клукс-клан, чья репутация его несколько беспокоила.

— Я слышал, что здесь, на Юге, — говорил он, — каждую субботу люди клана выходят по ночам из дому и отправляются вздернуть на ветку какого-нибудь негра. Признаюсь, эта мысль меня не слишком соблазнила.

Бима, однако, довольно быстро успокоили: ку-клукс-клан новой формации на такие вещи смотрит по-другому.

— Конечно, — говорит Бим, — было бы неправдой утверждать, что клан перестал думать о сегрегации и о превосходстве белых. Но сейчас не это самое главное. Лично я сегрегационист и считаю, что так оно и должно быть. Однако я без предрассудков...

Итак, Бим был принят в клан. Он недолго оставался в тени. Скоро за услуги, оказанные организации, ему присвоили офицерское звание. Он сменил белые одежды рядового члена на одеяние, маску и колпак ярко-красного цвета и не замедлил очутиться во главе хьюстонской секции.

Как-то он заговорил о членстве полицейских в ку-клукс-клане:

— В ряде статей утверждалось, что клан и муниципальная полиция работают рука об руку. Это абсолютно неверно. Правда же в том, что полицейские иногда думают так же, как и мы. Полицейские прежде всего люди, призванные поддерживать порядок и закон, а это и наше кредо.

По правде говоря, в рядах КKK не так уж много полицейских. Одна из моих обязанностей состоит в том, что я принимаю присягу у вступающих в клан. За прошлый год присягнули всего лишь несколько полицейских из Хьюстона и ряд сотрудников из бюро шерифа. Я не могу сообщить вам точное количество, это тайна. Но в нашу организацию входят также несколько руководителей муниципалитета.

Каково же в сегодняшней Америке географическое распределение членов КKK? Луис Бим говорит по этому поводу:

— На сегодняшний день в Соеди-

ненных Штатах членов клана, как это ни парадоксально, больше на Севере, чем на Юге. Мичиганская секция самая большая. Многочисленна секция штата Огайо. Клан более или менее представлен и в остальных сорока восьми штатах.

Но все будет по-другому, — продолжает Бим. — Новый клан, тот, который соответствует нынешним временам, выходит на международную арену. Уже существует секция клана в Австралии, есть и в Италии, еще одна в Англии. В каждой из этих стран идет процесс создания крепкого центра, установления более тесных связей с другими организациями. Делается это таким образом, чтобы создать «Международный ку-клукс-клан», эффективную организацию мирового значения, перед которой поставлена задача борьбы с коммунизмом.

Если прикинуть, то сейчас, — заявил Бим, — расовый момент не может иметь особого интереса для итальянцев. Для них это было бы по меньшей мере странным.

Здесь, в Хьюстоне, после того как Великий дракон получил письма от группы людей, живущих в Ланкашире (Англия), которые писали, что они весьма наслышаны о нашем отделении, родилась идея и английского ку-клукс-клана. Однако мне кажется, этих людей занимает скорее расовый вопрос, чем борьба против коммунизма. Я слышал, что из-за большой иммиграции Великобритании сейчас стоит перед настоящей расовой проблемой.

Совсем недавно мы открыли отделение клана в Канаде, где оно вскоре приобрело большое влияние. Можно ска-

зать, что ку-клукс-клан завоевывает успех, который трудно было предвидеть.

...Джон Гриндл, восьмидесяти лет, хозяин бензоколонки, протестант, англосаксонец, безоговорочный куклуксклановец, сидел за прилавком в Ливингстоне, что в нескольких часах езды к юго-западу от Хьюстона.

В одной руке у него толстая библия в черной обложке, а в другой — полуавтоматическая винтовка. На тулье широкой техасской шляпы, а также на плечах — эмблема конфедератов (название армии, которая боролась за отделение Юга во время войны между Севером и Югом). Тело опоясывают набитые патронташи.

Он говорит о боге и любви, но за его спиной на стене висит полное злобы воззвание клана, в котором перечисляются «признаки антихриста»: движение за мир, ООН, коммунизм...

На стене в соседней комнате — американский флаг в обрамлении знамени конфедерации. На столе значок, оповещающий: «друг полиции». Во всех углах заряженные ружья и пистолеты.

На почетном месте большой портрет под стеклом, на котором на фоне горящего креста запечатлен Джордж Шелтон, Главный имперский маг объединенного клана Америки.

Джон Гриндл очень доволен своей принадлежностью к КKK. Он старается убедить меня, что прежняя борьба клана против негров и их включения в общество — дела давно минувших дней. А сейчас важно только одно: битва с «международным коммунизмом», чтобы «помешать ему наложить лапу на Америку».

— Прошло много времени с тех пор, как я вступил в клан, — говорит Джон Гриндл. — И готов поклясться, что клан — последний шанс свободного мира. Конечно, когда люди узнают о моей принадлежности к клану, то думают, будто я занимаюсь каким-то нехорошим делом. Они ошибаются.

Я надеваю брюки, как все люди: сначала вдеваю одну ногу, потом другую. Я люблю свою жену, детей, как и все. Когда читаю вечернюю молитву, то преклоняю колена у кровати. Я не стыжусь целовать своих детей, когда отправляю их спать, и выполнять их просьбы.

Господь был добр ко мне, как и к другим, поэтому я принадлежу ку-клукс-клану. Потому что только правые организации за бога и за страну.

Мы, члены ку-клукс-клана, не собираемся выходить на улицу. В своей борьбе рассчитываем на главное оружие — бюллетени для голосования. Мы требуем, чтобы люди, боящиеся бога, голосовали за то, чтобы к власти пришли люди, также боящиеся бога.

Я принадлежу клану, потому что хочу спасти свою страну. Именно этого люди не хотят видеть, а вроде бы должны. Одна местная газета писала обо мне всякие глупости, вроде того, что я раковая опухоль на теле общества и меня следует удалить. Вы понимаете? Мне больно, что обо мне могут говорить подобное.

Перевел А. КЛИМОВ

КАК ПРОЖИТЬ БЕЗ РАФАЭЛЯ

Анатолий МАКАРОВ

РАЗБИРАЯ ПОЧТУ...
вопросы и отклики
мнения и сомнения
споры и доводы

...В известном смысле это был мой самый большой журналистский успех. Хотя и скандальный. По крайней мере, никогда — ни раньше, ни позже — сочинение, явившееся на свет из-под моего пера, не вызывало такого количества читательских писем. Сначала я наивно радовался их обилию, потом огорчился и, наконец, в бессилии развел руками: даже прочитать внимательно все эти послания не представлялось возможным, не говоря уж о том, чтобы подробно и обстоятельно ответить каждому корреспонденту.

Со временем, понятно, напор откликов иссяк — газетная сенсация как раз то самое чудо, которое длится не более семи дней, — и я совсем было уж забыл об этой своей статье под названием «Письма Рафаэлю». Но вдруг три года спустя после ее, не знаю уж, счастливой или злосчастной публикации, как запоздалое эхо краткой и яростной дискуссии, в редакцию вновь пришло письмо.

В сущности, никаких неизвестных мне аргументов оно не содержало, однако тон его, накал страстей и безоглядный максимализм суждений показались мне замечательными. И достойными отдельных размышлений.

Как и сотни других моих юных корреспонденток, семнадцатилетняя Галина К. из Гомеля писала о своей любви к Рафаэлю. Разумеется, современному испанскому певцу, а не итальянскому художнику эпохи Возрождения. Я говорю «разумеется», потому что имя великого итальянца никакого сравнения с именем эстрадного кумира не выдерживало.

Судя по письму, Галя из Гомеля рядом с именем модного испанца тоже никого иного вообразить себе не могла. Весь круг переживаний, мыслей и восторгов, который только связывает человечество с произведениями искусства, вращался в ее представлении вокруг одного лишь этого певца. Она признавалась запальчиво, что поехала в Ленинград по той единственной причине, что там ожидался гастроль Рафаэля. Она писала не без вызова, что ничем иным ее этот город не пленил. Да и не мог пленить. Музеи, в которые она все же зашла, оставили в ее душе ощущение томительной и досадной скуки. «Нудные картинки» — так отзывалась Галя и о передвижниках, и о малых голландцах, и об импрессионистах, и о Рембрандте, и о Серове. Ленинградских улиц — сияющего Невского, набережных, Летнего сада, Марсова поля — она просто-напросто не заметила. По край-

ней мере, не нашла в них ничего достойного, не обрела на их просторах никакого художественного впечатления, хоть в малейшей степени сопоставимого с впечатлениями от песен Рафаэля. Так она и пишет, с хлестким пренебрежением отзываясь о творчестве самых разных людей. И романистов, пишущих «заумные романы», и авторов фильмов, в которых вместо огненных чувств и красивой жизни жизнь показана будничная и потому, разумеется, серая. Особенно досталось отечественным певцам, поющим, по мнению Гали, «тягучие, заунывные песни».

Всему этому глобальному миру скуки, уныния и нравоучительной тоски был противопоставлен один только испанский Рафаэль. Как воплощение искрометного, увлекающего, заражающего, жизнеутверждающего искусства.

Столь безоговорочной была эта юношеская ортодоксальность, что ополчиться на нее не составило бы никакого труда. Но вместе с тем ощущалась в этих заносчивых и несправедливых словах такая искренность, которая внушала невольное уважение и, во всяком случае, исключала возможность пренебрежительно-иронического разговора.

Уместно ли скептически кривить губы, когда речь идет не просто об увлечении, а прямо-таки о страсти? О юношеской страсти — нелогичной, неумеренной, отчаянной. Остудить ее трудно, все хладнокровные резоны вызывают в ответ лишь еще более нервное и вспылчивое желание стоять на своем. «И все-таки она вертится!» — такое почти что жертвенное, галилеевское упование. А самое главное — быть может, и не стоит охлаждать такую любовь ледяными доводами рассудка... Пугать должно нечто обратное — равнодушные, прозябание, пустые глаза. Глаза же моей невидимой собеседницы наверняка так и сияют. Еще бы! Увлечение такого рода всегда празднично, упоение бытием, мучительное и радостное напряжение всех сил души. Это состояние похоже отчасти на легкое, усиливающее краски окружающего мира головокружение от вальса. И небо делается голубее, и солнце ярче, и даже серая стена соседнего дома кажется не такой уж серой, вернее, в этой серости появляется оттенок изысканно-пепельного благородства...

Короче говоря, искренность и дерзость моей корреспондентки напомнили мне ощущения моей собственной юно-

сти. Не такой уж далекой, отшумевшей, кажется, вчера только, как минувшее воскресенье. И все-таки отшумевшей, пережитой и прожитой со всеми ее увлечениями и преувеличениями, с самодельными магнитофонами и потрясающими новинками, записанными на «костях», а проще говоря — на использованных рентгеновских снимках, с возрождением джаза и появлением джазистов на школьных вечерах — саксофонист, пианист и ударник — в завидно узких брюках и в башмаках на самодельно рифленой подошве, с внезапными приездами зарубежных гастролеров. Ах, Галя, Галя, какие замечательные попадались среди них артисты! Измерять уровень дарования эстрадных певцов — дело сложное и неблагодарное, но, поверьте, Галя, я вспоминаю сейчас очень одаренных людей, за плечами которых вставал не мир ошеломляющей и блистательной славы, но мир высоких идей и великой культуры, за ними выделась сама история, борьба, тени расстрелянных и фигуры обреченных на

смерть, на гибель в несправедливой, проклятой войне.

— «Кант эн сольда сан ват ан гэрр...» (Когда солдат уходит на войну.)

Как изумительно отзывались в сердце эти французские слова — язык не светской болтовни и не скабрёзных романов, а великого народа строителей и бунтарей, коммунаров и тружеников. А фильмы, которые сопровождали нашу юность наравне с этими песенками! В них не было, правда, красивой, праздничной жизни: ни роскошных курортов, ни лазурных морей, ни сверкающих неонов отелей — окраинные узкие улицы, рабочие кафе, обшарпанные автомобили, дешёвые танцульки под аккордеон, — но ведь героями этих картин мы бредили. До сих пор я назизусть помню диалоги из фильмов «Их было пятеро» и «У стен Малапаги».

Что было, то было. Портреты певцов и киноактёров, французских, итальянских, польских, лежали под стеклом моего письменного стола. А некоторые и теперь лежат. Так зачем же я смутил

безмятежный восторг многих поклонниц Рафаэля, с какою целью обидел их в лучших чувствах, написав об их страстном увлечении иронические заметки; почему, наконец, теперь отвечаю на письмо девушки, подверженной одной из самых распространённых болезней века — идоломании?

В сущности, детской болезни. Она проходит, как проходит корь или скарлатина. Я сам был влюблён в аргентинскую киноактрису и фильм с её участием смотрел, наверное, раз десять. Теперь мне об этом смешно вспоминать. Разве не было все это похоже на терзания девочки Гали из Гомеля? Конечно, было. Но была, я надеюсь, и разница, о которой самое время теперь упомянуть. Не ради того, чтобы пококетничать превосходством жизненного опыта, но ради того, чтобы этим самым опытом поделиться.

Так вот, умозрительная моя любовь к аргентинской звезде, точно так же как и увлечение модными в то время певцами, и тогда не заслоняла от меня

и моих друзей прочего мира. Мира искусства, в частности. Напротив. Пережив впервые ту ни с чем не сравнимую радость, какую дарит тебе искусство, хотелось эту радость продлить, удержать, понять, повторить. Искать ее не только там, где уже обрел однажды. По ассоциации чувств и мыслей появилась привычка смотреть по сторонам, изыскивать малейшую возможность вновь обрести, хоть на мгновение, ощущение того самого счастья и свободы. И вот, внимая внутренним слухом испанским пряным мелодиям в исполнении аргентинской звезды, я взял в библиотеке томик новелл Мериме. Затем пришла очередь Гойи и Сервантеса. Незримая нить привела меня к Равелю. Потом к Блоку. Я забыл постепенно и непреднамеренно о том, с чего начал. Потому что движению этому нет предела, и открытия, которые я совершал на этом благословенном пути, неизмеримо превосходили по своему масштабу те милые мюзик-холльные радости, от которых я млел в зале кинотеатра.

Да нет! Та аргентинская звезда была и впрямь талантлива, и не пристало мне, смеясь над своею юностью, мстительно побивать камнями ее талант. Она не виновата, что ее песни оказались нужными на несколько недель, а стихи Александра Блока — на всю жизнь. Спасибо ей и на том, что ее искусство оказалось как бы исходным пунктом того движения, которое озарило собою всю мою жизнь.

Мне хочется верить, что и для Гали из Гомеля Рафаэль с его страстями и lamentациями всего только начало. И потому так настораживает и даже обижает ее вызывающая эстетическая замкнутость. Ее пренебрежение ко всему тому, что не обладает прямолинейной притягательностью рафаэлевских эстрадных страданий. Не в том грех, что человек любит Рафаэля, да любите кого хотите — Адамо, Хампердинка, Джорджи Марьяновича, — а в том, что, зажав глаза, он упрямо мотает головой в уверенности, что ничего достойного внимания на свете больше не существует.

Поклонников и поклонниц различных идиолов и кумиров отличает крайняя нетерпимость. Вот и Галия, она ведь не то чтобы просит оставить ее в покое с ее страстью, но хотела бы навязать эту страсть, своего героя и любимца едва ли не всему человечеству. И любовь ее, вместо того чтобы объединять ее со всем человечеством (а в этом и есть великое чудо настоящей любви — пусть безответной, наивной, далекой), — эта любовь с человечеством ее разделила. Во всяком случае, с такими замечательными проявлениями человеческого духа, как великая литература или серьезная музыка.

Увлеченный человек — человек счастливый, а Галия — человек рассерженный. Не только на меня, попытавшегося умерить разыгравшуюся вокруг Рафаэля «поэму экстаза», но и на весь мир — на певцов, на актёров, на художников и более всего на «серых» своих сограждан, кому непонятно и неизвестно величие испанского артиста. Это уж прямо сектантство какое-то — смешное, но от этого ничуть не более симпатичное.

тичное. Ибо ни один артист не нуждается в том, чтобы его авторитетом молотили кого-либо по голове. Точно так же как ни один настоящий ценитель искусства, если только он действительно настоящий, не позволит себе заявить, что высшего блаженства он единожды достиг и более ему ничего не нужно.

Пылкая заочная любовь, моления на портрет, дежурства в кинотеатрах — все это так или иначе пройдет, но что же останется? Две-три картинки, вырезанные из журналов, пожелтевшая программка да заезженная пластинка в конверте, закапанном былыми слезами восторга. И при этом совершенный, ничем не колеблемый штиль души, не искусственной в эстетических переживаниях. Апатия. Безразличие, протекающее от крайней узости кругозора, выражаясь определеннее — от невежества.

К сожалению, на письмо моей корреспондентки при всем его юном задоре лежит и его тлетворная тень. Невежество — это ведь не просто незнание. Это, если так можно выразиться, незнание принципиальное, это презрение к знанию. К тому, что неизвестно и непонятно. А непонятно, оказывается, многое. Причем не только в области явлений, действительно требующих предварительной подготовки, некоей изначальной культуры, но и в сфере, не ограниченной никакими особыми условиями, кроме разве любопытства и открытой души.

Галья из Гомеля с высоты своего увлечения Рафаэлем позволила себе, например, весьма пренебрежительные слова о Есенине. О его, так сказать, моральном облике. Что само по себе, разумеется, смешно. Однако и грустно в то же самое время. Поскольку весьма отдаёт пусть наносным, пусть неглубоким, но все же противным мещанством. Тем самым, для которого вся жизнь выдающегося человека, все его страдания, искания и душевные муки всего лишь повод для сплетен. Не более того.

И вообще, наивное желание повторять о поэте дурацкие слухи свидетельствует об очевидном нравственном пробеле юной души. Вы прочтите, Галья, сначала его стихи, вы поймите хоть отчасти, почему так бесконечно дорог он народу, отчего в гуще народной стихии его становятся песнями, без которых не бывает ни праздника, ни горя, а потом уже судите его, если, конечно, ощутите при этом свое абсолютное право и свою нравственную состоятельность.

Между тем такая состоятельность предполагает не просто чтение книг и не просто посещение концертов, но еще и то, что другой замечательный поэт, Николай Заболоцкий, называл работой, трудом души:

Душа обязана трудиться и день,
и ночь...

Вот этот-то труд некоторым молодым людям определенно неведом. Оттого так легко сдают они на милость каждого встречного идола, оттого с такою изумляющей легкостью творят себе кумиров, оттого и теряют свое человеческое достоинство в погоне за этими кумирами.

Не знаю, как кого, но меня фотоснимают девушки и ребята, беснующихся, сте-

нающих, вопиющих на концерте очередного идола, повергают в состояние печального изумления. Это не радость и не страдание, без которого искусства тоже не может быть, это не восторг и даже не экстаз — в данном случае все это весьма слабые слова. По-видимому, говорить приходится о пароксизме, о конвульсиях, об истерике.

Что же это за искусство, которое не окрыляет человека, а топчет его? Унижает, презирает, третирует.

Во все времена были артисты — любимцы публики, поэты, владеющие умами, и, уж разумеется, певцы, за которыми постоянно тянулся шлейф поклонниц. И всегда по характеру этой самой любви и популярности можно было судить о характере дарования и творчества того или иного художника. Во всяком случае, у серьезных людей и слава была серьезная. Другую они просто-напросто отменяли, точно так же как и легкий успех. А истеричная, скандальная слава сопутствовала, как правило, артистам, чей талант сверкнул на небосклоне подобием фейерверка: взвился, рассыпался, ослепил и навсегда потух. Как видите, одаренность Рафаэля и других молодежных кумиров не вызывает у меня сомнения. Вызывает сомнение тот неистовый, пробивной культ успеха, который порой ими руководит; вызывает сомнение безвкусная шумиха, которая их сопровождает, беззастенчивая, беспардонная реклама и самореклама, без которой они не в состоянии сделать ни шагу.

Чего стоят хотя бы бесконечные заверения в простоте и демократичности («Я простой, парень, который поет!», «Я обыкновенная девушка, которая больше всего на свете любит готовить яичницу!»), каковые перемежаются журнальными обложками, где «скромные» молодые люди изображены на фоне собственных замков, вилл и самолетов.

Сотни интервью раздаются тысячам журналистов в разных странах мира, и в этих беседах процветающие идола готовы объявить себя кем угодно: и наркоманами, и буддистами, и сторонниками Мао Цзэ-дуна, лишь бы только привлечь к себе ускользающее внимание публики! Любимыми средствами: скандалом так скандалом, экзотикой так экзотикой, эпатажем так эпатажем.

А легковверные девицы и юноши коллекционируют глубокомысленную чепуху своих кумиров, которые с каждым годом все меньше рассчитывают на талант и все больше — на чисто коммерческие способности.

Трудно опять-таки возразить что-либо против того, что Джонни Холидей рекламирует рубашки и пиджаки, а Сильви Варган — платья. Они дети своего мира и выкручиваются в этом мире как могут. В состав дарования эстрадной «звезды» на Западе умение делать деньги входит органически. Потому что артисту, не умеющему преуспеть, устроить себе паблисити, сорвать куш, fortuna никогда не улыбнется. Публика просто-напросто не поверит в него. Он навсегда останется гением для двух десятков друзей и посвященных. Как, кстати, и бывало не раз. Здесь нечему удивляться — почти каждый известный и модный исполнитель в Америке и Западной Европе — превосходный адми-

нистратор и эксплуататор своего таланта. Но при чем же тут, как говорится, святое искусство?

От массовой культуры — от телевизионных разбитных шоу, от журнальных детективов и магнитофонных песенок — в двадцатом веке никуда не денешься. Однако, как говорил Ученый в пьесе Евгения Шварца: «Тень, знай свое место!» И массовое искусство — а оно и есть, в сущности, тень искусства настоящего — должно в жизни каждого из нас знать свое четко ограниченное место. Ибо не только обидно, но и несправедливо принять тень явления за его существо. Это драма своего рода. Это ведь то же самое, что называлось некогда «прожить жизнь не на той улице».

Но где же она, «та улица»? Та, на которой следует жить? В Ленинграде? В Москве? В Риме? Или, скажем, в Париже? Не обязательно. Она может быть и в Алейске, и в Тарусе, и в деревне Горбово. Она везде, где искусство существует не как развлечение, но как главная потребность бытия, как воздух, как вода, как правда, без которой лучше и вовсе не жить на свете.

Эта самая правда предъявляет высший счет ко всему на свете. И к нам, и к нашим друзьям. И к книгам, которые мы читаем. И к песням, которые поем. Юношеское, семнадцатилетнее упоение жизнью не вечно. С годами жизнь все чаще ставит нас перед решительным выбором, заводит в тупики, из которых, кроме нас, никому искать выхода, создает ситуации, требующие повседневного мужества и неброской будничной самоотверженности. Вот тут-то и приходят к нам на помощь «заумные» романы, написанные в сердечных муках, в метаниях и поисках страдающей за все человечество мысли. И кинофильмы о «серой» — без дворцов и лазурных морей — жизни учат нас достоинству и гордости. А в «тягучих», «заунывных» песнях открывается нам такая красота и такая мудрость, о какой и не мечтали «идолы» в кружевах и с велосипедными цепями на брюках. Не в обиду им будет сказано.

Молодые люди иногда удивляют старших простодушным прагматизмом. Они, например, спрашивают, зачем им нужны те или иные знания. Это отчасти школьная привычка — там знания были нужны прежде всего ради хороших отметок.

— Я собираюсь на химический, к чему мне Онегин или Раскольников? — очень знакомое, чтобы не сказать пространное, суждение. Взрослая жизнь все расставит по своим местам, и тогда окажется, что сугубо «полезные» знания нужны, чтобы стать специалистом, а «излишний» Раскольников необходим для того, чтобы быть человеком.

Бывают обстоятельства, когда предсказать вероятный ход событий не так уж сложно. Я хотел бы оказаться оптимистичным предсказателем.

И узнать однажды, что безумная поклонница Рафаэля-певца сделалась глубокой ценительницей художника Рафаэля. А также других мастеров, чье искусство независимо от вихрей моды и биржевой котировки ставит перед человеком самые главные вопросы: что делать? куда идти? быть или не быть?

САТАНА-СУПЕРЗВЕЗДА

Километровые очереди у кинотеатров — под февральским дождем, снегом, ветром... Небывалые цены на «черном рынке» Нью-Йорка — до 50 долларов за билет, лишь бы попасть на фильм, о котором успела широко оповестить пресса, о котором знакомые прожужжали все уши: «Вы слышали? Не вздумайте ходить, ужасная гадость!»

Наконец счастливицы замирают в своих креслах. А через полчаса зрители кричат, рвут на себе волосы, каменеют в ужасе, одних тошнит, у других инфаркт (отмечено несколько десятков таких случаев, не всегда смертельных).

О чем же речь? Что за фильм-ураган пронесся от одного побережья США к другому? Название фильма «Заклинатель» (режиссер Уильям Фридкин). Содержание несложно, но многообещающе по части всякой чертовщины. В двенадцатилетнюю девочку вселяется дьявол — поймите правильно, вселяется в бунвальный смысл. Поэтому после жалких попыток вмешательства медицины мать девочки призывает на помощь отцов иезуитов. Те борются с дьяволом, не щадя живота своего и окружающих. Кровь, трупы, раненые — все в этой психологической драме, как в добром старом вестерне.

В кино иезуиты одолели-таки сатану. В жизни частенько происходит обратное — об этом сообщают многие американские психиатры...

СЛАБОЕ СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ. Известно, что каждая женщина желает быть красивой. Того же хотела и жителяница Лос-Анджелеса Салли Корнер. Однажды она вышла на лестничную площадку с косметической маской на лице. В это же самое время ее сосед выво-дил свою таксу Пигги на прогулку. Увидев размазванную самым причудливым образом Салли Корнер, сосед обмер. Была потрясена до глубины души и такса. Но сосед устоял, а такса на месте скончалась от инфаркта. Убитый горем хозяин таксы подал в суд.

ЖЕНСКИЙ ГЛАЗ. Молодой кенийский боксер Нгамба Ро после успеха на рингах Восточной Африки решил перейти в профессионалы. Как он заявил, в этом многотрудном деле ему будут помогать две женщины: матушка Нгамбы возьмет на себя функции директора-распорядителя, а теща — та будет присматривать за тренером. На всякий случай. Все-таки лишний глаз...

КНИГА О СЕБЕ

Полвека назад британский драматург Алан Милн познакомился с художником Эрнестом Шеппардом. В результате этого знакомства ими были написаны замечательные книги для детей, самая популярная из которых «Винни-Пух и все-все-все». Весь тираж «Винни-Пуха» был раскуплен за один день. Очень скоро сын Милна, Кристофер Робин, он же герой книги, начал жаловаться отцу: «Куда ни пойдешь — везде Пух да я!» Но вскоре он привык к популярности, а сейчас, когда ему за пятьдесят, Кристофер Робин (его вы видите на снимке) сам торгует книгами, где фигурирует он.

В начале этого года на английский экраны вышел фильм о совместной работе Милна и Шеппарда над созданием своих персонажей. Как говаривал Пух: «Одному вовсе не интересно, другое дело — вдвоем».

БЕДНАЯ ДЖОКОНДА!

Ее узнают сразу. Стоило в прошлом году парижской вечерней газете напечатать объявление о том, что для съемок телефильма требуется «женщина 20—24 лет. Овальное лицо. Пухлые щеки. Умение улыбаться левой стороной рта», как представилось триста человек в возрасте от 12 до 57 лет, в том числе две негритянки и один мужчина! Ни для кого не было секретом, кого должна была играть счастливая избранница.

Место ее постоянной прописки — Лувр. Лишь время от времени она путешествует в другие страны с такими миссиями предосторожности, какие не снились коронованным особам. Не мудрено — ведь она держит абсолютный мировой рекорд популярности. Каждый год она получает сотни писем с признанием в любви и столько же писем с угрозами. Ее имя значится на итальянской минеральной воде и западно-германских сигаретах, ее фамилия стоит на марокканском варенье, граммофонных игол-

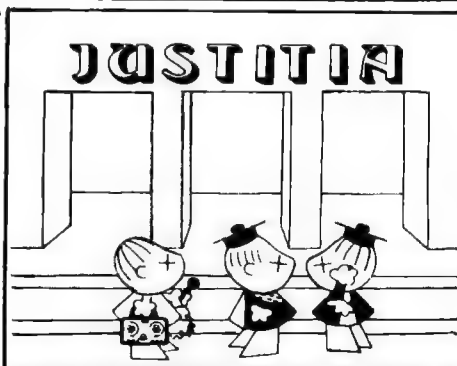
нах, сухих батарейках и средстве против насекомых. В Японии электронный компьютер создал ее голос, так что каждый желающий может набрать номер и выслушать пять фраз — по-итальянски, разумеется... Всего просто нет возможности перечислить. Хочется лишь вздохнуть — бедная Джоконда! Вряд ли бы она улыбалась, доведись ей дожить до этого бума...

НОВИНКА

Тринидад — самый большой из Малых Антильских островов, что отделяют Карибское море от Атлантического океана. Столица острова, город Порт-оф-Спейн, привык к наплыву туристов. А раз в год — весной — людская толпа просто переполняет его. Любопытство приезжих легко понять — ведь в это время в городе проходит трехдневный карнавал. Конечно, по масштабам он не идет в сравнение со знаменитым карнавалом в Рио. Но тринидадцы утверждают, что разнообразие масок, а главное, насыщенностью музыкой шествие по главным улицам Порт-оф-Спейна не уступает бразильскому собрату. В этом году зрители ожидали новинки: батарея ударных, составленная из пустых бензиновых бочек: дефицит горючего не минул и этого уголка планеты. Как писал рецензент местной газеты, звук у бочек «глубокий и насыщенный».

СТРАХОВКА. По преданию, древнегреческий поэт Эсхил погиб, когда на него свалилась черепашка, выпавшая из лап летящего в небе орла. «А что, если со мной произойдет нечто такое?» — с тревогой подумал англичанин Гарри Аткинс и принял незамедлительное решение: застраховать свою жизнь от столь редкой, но тем не менее ужасной кончины. Фирма «Ллойд» согласилась выдать Аткинсу полис на случай такого рода происшествия. Математики страхового общества быстро подсчитали, что вероятность события близка к нулю. Поэтому для Аткинса было сделано исключение — ему не придется платить страховых взносов. Ну а фирма получила дополнительную рекламу.

А ЧТО РИСУЮТ?

Худ. Клеричетти («Эпока», Милан): «Будьте осторожны, у него микрофон в микрофоне!» (К скандалу о подслушивании разговоров официальных и частных лиц в Италии.)

ЧТО ГОВОРЯТ ... ЧТО ПИШУТ ... ЧТО ГОВОРЯТ ... ЧТО ПИШУТ ... ЧТО ГОВОРЯТ ... ЧТО ПИШУТ

„БОЛЬШОЙ ПОРЯДОК“ ХУНВЭЙБИНОВ

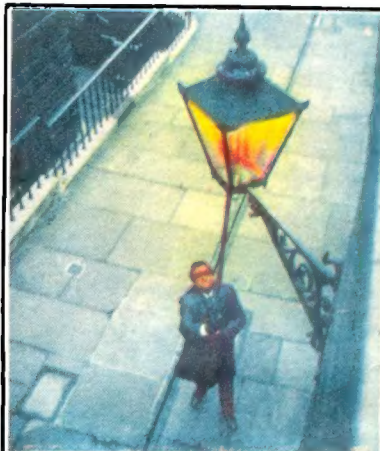
«Милиция масс», «патрули нравственности», «городское ополчение» и прочее и прочее — различных вооруженных отрядов, по большей части состоящих из молодежи, в сегодняшнем Китае немало. Широка и программа их бурной «деятельности»: одни, колотя металлическими прутьями по скамейкам, спугивают по вечерам влюбленных («Пора

спать! Так не слушат народ!»), другие сгоняют людей на митинги или прочесывают дома и улицы в поисках юношей и девушек, бежавших от «трудового перевоспитания» в деревнях. Есть и подразделения по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна, расквартированные при заводах, коммунах и общежитиях.

Китайская пресса утверждает, будто главная цель так называемого городского ополчения — подготовка к отражению нападения извне. Сообщения из Китая, однако, говорят о другом. Ополчение — это инструмент ежедневного, ежечасного подавления всякой — сознательной или стихийной — оппозиции, инструмент в борьбе Мао за сохранение власти.

Подготовка нового поколения хунвэйбинов для новой «культурной революции» идет в Китае и днем, и ночью, и, как видите, в дождь...

Салтыков-Щедрин, создавая свою историю города Глупова, писал, что там праздники отличались от будней усиленной маршировкой. В сегодняшнем Китае маршировке отдается зачастую все время. Каждый день. Никаких исключений.

ФОНАРЩИК

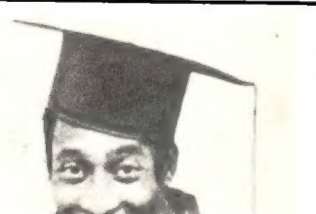
На этом снимке вы видите последнего в Англии представителя романтической профессии фонарщиков — Айвена Рэмнанта. Каждый вечер зажигает он длинным факелом, которому свыше ста лет, 109 газовых фонарей вокруг штаб-квартиры лондонской коллегии адвокатов — Темпла. А на рассвете тушит. Остальные две тысячи газовых фонарей британской столицы зажигаются автоматически.

СУЖДЕНИЯ О ФУТБОЛЕ

— Если все кончится благополучно, произойдет чудо, — так высказалась по этому поводу французская спортивная газета «Экип».

— Никаного чуда нет. Есть настойчивость и мой личный пример! — отпарировал футбольный судья Пьер Пивето.

Чтобы прояснить смысл данной полемики, введем читателей в курс этого и в самом деле необычного дела. Год назад французская национальная федерация футбола утвердила...

КАРЕЛ ГОТТ: «МЕНЯ ОТКРЫЛА МОСКВА»

Уже который год Карел Готт не расстаётся с почетным титулом «Золотой соловей». Вообще представлять его любителям песен нет никакого смысла, он мало знаком разве что самым молодым. Им сообщаем: чехословацкий певец Карел Готт — обладатель восьми «Золотых пластинок» у себя на родине, победитель многих международных эстрадных конкурсов: Сопот, «Золотая лира», «Серебряный ключ», Монте-Карло, Канн.

Осенью прошлого года Карел Готт седьмой раз гастролитировал в нашей стране. Репертуар его, как и прежде, состоял из эстрадных мелодий, народных песен, лирических баллад. «Я люблю петь красивые мелодии, — говорит Готт и добавляет: — И еще мне нужно, чтобы в зале было много народа. Очень много. Я не камерный певец. Большая аудитория вдохновляет меня..» Постановка голоса, фразировка, тембр, а также сценичность, умение держать себя на эстраде — все это для него не проблема. Когда Готт поет, никакой «техники» не замечаешь, чувствуешь просто отточенное мастерство. Мне довелось встречаться с Готтом во время его московских гастролей, где я взял у него интервью для «Ровесника».

— Карел, расскажите, как вы пришли на эстраду.

— Случилось это в 1959 году. До этого

я был таким же «парнем с гитарой», как тысячи других пражских школьников. И вот однажды друзья посоветовали мне принять участие в конкурсе, который проводился в пражском Славянском доме и назывался «Ищем таланты». У вас ведь тоже есть подобный телеконкурс, верно? После долгих колебаний я согласился. Сразу скажу, что «звезды» из меня не получились: на конкурсе я даже не попал в финал. Однако получил несколько заманчивых предложений и начал работать. Сначала в пражском кафе «Влтава», а два года спустя стал солистом джаз оркестра Чехословацкого радио. В то время мне изрядно доставалось от музыкальных критиков, которые ставили вопрос ребром: а умею ли я петь? Что говорить, я здорово тогда переживал. И вот первая поездка с оркестром радио за рубеж — в Советский Союз! Это, по сути, и было моим «открытием»...

ВЫ СПРАШИВАЛИ

— Я хорошо помню это ваше выступление в московском зале «Эрмитаж»... Вы исполняли тогда импровизацию на тему эллингтоновского «Каравана», пели, используя джазовую вокальную словесную импровизацию — скэт. Сейчас у вас иной репертуар. Но вы по-прежнему любите джаз?

— В то время я действительно был увлечен именно джазовой музыкой. Как бы это точнее сказать?... Песенные шлягеры казались мне пресными и маловыразительными. А суть была в том, что я не отыскал своих песен. Сейчас это не так. С другой стороны, язык в джазе чрезмерно усложнился, и многих это отпугнуло от него. Как исполнитель я со временем отошел от

джаза, но как любитель остаюсь поклонником джазовой классики: Армстронг, Билли Холидей, Дюк Эллингтон, Каунт Бейси, Чарли Паркер — все это моя музыка.

— Какое из своих выступлений за последние годы вы считаете наиболее успешным?

— Очень запомнились мне турне по Советскому Союзу в 1972 году. Памятным было и выступление в Гамбурге, когда прямо во время концерта записывалась пластинка, которая через несколько дней появилась в продаже. Знаете, я раньше не любил «живые записи» — на пластинку могла попасть нечеткая интонация, неточное вступление или что-либо в таком роде. Но все окончилось хорошо. После этого я переменил свое отношение к записям в зале, с публикой. Мелкие недочеты, которые случаются в концерте, с лихвой искупаются особым настроением, тем подъемом, который испытываешь при общении со слушателями. В студии такого добиться трудно.

— Как вы реагируете на неудачи?

— В том же 1972 году, когда я так удачно спел у вас в стране, я потерпел фиаско дома, в Праге. Причем у публики, которую называли «публика Карела Готта»... Я простудился, у меня болело горло, но я решил рискнуть и не отменил выступления. В результате у меня пропал голос, причем прямо посередине концерта... Не знаю, как мне удалось дотянуть программу до конца. Слушатели, даже когда свистят, всегда правы; это для меня урок на будущее.

— Вы не впервые встречаетесь с советской публикой, особенно с москвичами. Каково ваше впечатление о московской

публике с точки зрения человека на сцене?

— Я давно уже подметил, что у вас в каждом зале «своя» аудитория, со своими привычками и вкусами. Например, в киноконцертном зале «Октябрь» — одна, в зале сада «Эрмитаж» — другая. Последний раз я выступал в Зале имени Чайковского. Здесь уже совсем другие люди и иная атмосфера (такой я, кстати, давно не ощущал, потому что мы с нашими песнями редко попадаем в подобные залы). Атмосфера какой-то значительности. Я чувствовал в этом зале торжественное настроение. И все же моя любимая публика в Москве — это публика сада «Эрмитаж»: она очень живая, раскованная, какая и подболяет саду.

— Ваше мнение о современной эстраде и ее направлениях?

— Вопрос, что говорить, объемный... Сейчас в легкой музыке существует фантастическое многообразие стилей. И у каждого даже самого маленького направления есть свои поклонники. Этого нельзя не учитывать. Казалось бы, все, что нравится людям, — хорошо, догм тут быть не может. Но каким людям? Можно ли доверять их вкусу? Вы понимаете, тут значение имеет очень много факторов: сколько тебе лет, где ты живешь — в большом городе, в маленьком или в деревне; какое у тебя образование; каков твой слуховой опыт, имеешь ли ты возможность выбора. Знаю одно — слушатель не стоит на месте, он развивается...

Что касается меня самого, то после многих метаний, после многолетней практики я пришел к своему стилю, который называю — и не так уж шучу при этом — бельканто. Да, бельканто, только в эстра-

дном варианте. Это внешне довольно простые песни (конечно, аранжировка их делается по последнему слову оркестровой техники!), песни с ярко выраженной мелодией. Это может быть все, что угодно, — русские или чешские народные песни, либо вещи Поля Маккартни, либо еще какие-нибудь. Исполняю я их по-своему. Стремлюсь использовать все возможности, которые таятся в них, плюс все сценические эффекты.

— Карел, вот вы вернетесь сейчас домой. У вас, конечно, обширная фонотека. Какую пластинку вы первой поставите, чтобы послушать просто так, для себя?

— Вы думаете, наверное, что я поставлю пластинку с записью такой же музыки, какую пою сам, — бельканто? Пожалуй, нет. Дома я редко слушаю такие записи. И поставлю я, видимо, моего любимого Рэя Чарльза. Или Лу Ролса. Или Отиса Реддинга. У этих негритянских певцов не слишком большие и, уж во всяком случае, не оперные голоса. Однако у них есть нечто другое. Их сила не в отточенности (голоса у них, как правило, неотшлифованные, порою даже хриловатые), а в стихийности эмоций, в связи с жизнью, в умении передать в концентрированном виде чувства многих людей. Это настоящие народные певцы.

— Среди читателей «Ровесника» немало ваших постоянных слушателей. Что бы вам хотелось им передать?

— Конечно, сердечный привет. Благодарность за поддержку во время выступлений. И пожелание побольше петь самим. Для себя. Потому что на собственном опыте знаю, как это улучшает настроение!

Аркадий ПЕТРОВ

